

**Арте
факт
детектив**

Редкостью красоты рубин,
ограненный в форме сердца, сменил
много имен и хозяев, но лишь одно
оставалось неизменным — следовавшее
за ним проклятье индийской богини Кали...

ЕКАТЕРИНА ЛЕСИНА

Рубиновое сердце богини

ЭКСМО

Екатерина Лесина
Рубиновое сердце богини
Серия «Артефакт-детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183406
Рубиновое сердце богини: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-27467-3*

Аннотация

На обычную, ничем не примечательную молодую женщину Марию со смешной фамилией Пигалица обрушились несчастья: развод с мужем, понижение в должности, гибель собаки и, наконец, покушение на нее саму. И еще эти сны о прекрасном рубине, ограненном в форме сердца и названном «Кали» в честь древнеиндийской богини войны и смерти... Маша чувствовала: чтобы избежать гибели, она должна найти бесценный камень. Но как это сделать, если бывший муж отворачивается, помощь предлагает человек, которого Маша считала своим врагом, а поиски покушавшегося на нее человека оборачиваются охотой за «Кали» – таинственным рубином, чей путь сквозь время и страны отмечен кровью...

Содержание

Охотник	8
Пигалица	11
Охотник	25
Пигалица	28
Охотник	33
Пигалица	38
Пигалица	51
Охотник	55
Пигалица	62
Мамочка	67
Охотник	70
Пигалица	73
Охотник	85
Пигалица	92
Пигалица	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Екатерина Лесина

Рубиновое сердце богини

– Вот анфракс, священный камень земли Офир... Он горяч и влажен. Погляди, он красен, как кровь, как вечерняя заря, как распустившийся цвет граната, как густое вино из виноградников энгедских... Это камень любви, гнева и крови... Носящий его приобретает власть над людьми. Он врачует сердце, мозг и память... он будит вокруг себя любовные страсти.
А.Куприн. «Суламифь»

Великий Брама милостив к детям своим. Волей его рождены и несокрушимые горы, и невесомый снег на их вершинах. Земля радуется глаз цветами, изумрудная трава мягка, словно пух, кудрявые рощи дарят благословенную тень, а прозрачные воды несут прохладу.

Птицы поют, восхваляя Брамю.

Звенящие водопады славят Творца.

Робкий жасмин и величественные, словно огромные опахала, веерные пальмы, шепчут: «Слава Бrame».

Добродетельнейший Кэнэбоди, принимаясь за работу, улыбался. Мысли его, уподобляясь священным водам великой реки, текли размеренно и неторопливо, в который раз дивился Кэнэбоди мудрости Богов. В созданном Брамой мире для каждого нашлось место: для мудрых правителей и ра-

джанутов¹, которым надлежало заботиться о благе народа, и для браминов, без устали возносящих молитвы богам, для умелых воинов-кишариа² и ремесленников-судра³.

Благодарил Кэнэбоди мудрейшего из Богов и за собственную долю: тяжело бедняку, что с рассвета до заката горбатится на поле под палящими лучами солнца, тяжело охотнику, ибо джунгли таят в себе немало опасностей. И хорошо ремесленнику, чья душа видит красоту, таящуюся в камне. Такому, как Кэнэбоди, золотых дел мастеру, умелым рукам которого покорялось и тяжеловесное золото, и капризное серебро. Кэнэбоди по праву гордился своим мастерством, ибо каждому известно, что серебро есть душа мира металлов, и лишь человек, чей дух чист, а помыслы благородны, способен обуздать его. А ведь были еще и камни: великолепные сапфиры, застывшие осколки неба, гордость и краса Кашмира, фиолетовые аметисты, фирюза⁴, маньяра⁵ и царственный адамас⁶, который есть не что иное, как застывший по капризу Браммы солнечный свет.

Тысячи камней прошли через руки мастера, и к каждому

---

¹ Каста правителей, аристократы.

² Воинское сословие.

³ Низшая из четырех каст, состоящая из ремесленников, зависимых землевладельцев, наемных работников и слуг.

⁴ Бирюза.

⁵ Жемчуг.

⁶ Алмаз.

старик Кэнэбоди находил подход. О, какие он делал украшения! Сам раджа Кашмира⁷ заказывал серьги для своей единственной дочери, принцессы Серасвати. Поговаривали, будто красотой девушка не уступала богине, имя которой носила.

Работой Кэнэбоди раджа остался доволен, более того... Знак великого доверия лежал на столе перед мастером, символ того, что Боги еще не оставили землю, ибо лишь им под силу сотворить подобную красоту. Огненнорожденный ратнарадж⁸ каплей окаменевшей божественной крови лежал перед мастером.

Уже третий день любовался Кэнэбоди совершенной красотой камня и никак не мог решить, как помочь внутреннему солнцу, что таится в каждом самоцвете, засиять в полную силу. А время идет, спешит раджа, вот-вот явятся послы из Лахора просить руки прекрасной Серасвати. Жаждал раджа удивить гостей, поразить богатством древнего города. И понимал мастер: ни один человек не останется равнодушным к великолепному ратнараджу размером с соколиное яйцо. На маленькое сердце похож камень. И цвет необычный, насыщенный, почти черный, но если взглядеться, то можно увидеть, как в багряной глубине беспомощно

---

⁷ Данная история никак не связана с реальным Кашмиром (историческая область, расположенная на стыке высокогорных районов Гималаев, Центральной Азии и Тибета). То же касается и Лахора.

⁸ «Вождь самоцветов», рубин.

мечутся золотые искры.

Кэнэбоди улыбнулся: пожалуй, он понял, что следует сделать. Это будет истинное сокровище, и старик был благодарен вершителям судеб за то, что именно его рукам суждено открыть миру сию красоту. Он даже название придумал.

Лакими⁹. Прекраснейшая из богинь, дарящая любовь и радость. Кому, как не ей, посвятить это диво.

—Здравствуй, Лакими, – поклонился мастер. Он всегда начинал работу именно так. – Добро пожаловать в мир...

Камень отозвался яростной вспышкой алого света.

---

⁹ Богиня – покровительница любви.

ОХОТНИК

Больше всего в жизни Сапоцкий Антон Сергеевич не любил теплое пиво, ночные вызовы и такие вот непонятные дела, как это. Насчет теплого пива в марте можно было не беспокоиться, а вот ночными вызовами жизнь баловала, впрочем, как и непонятными делами.

Тело уже убрали, но на полу остался тщательно вычерченный белый силуэт и контрастно-черные пятна. Кровь. И еще мелкие комочки чего-то серо-розового. На лестничной площадке было много и крови, и пятен, и солнечно-рыжих волос – хватит на всех любопытствующих. Наверное, когда группа уедет, площадку заполонят соседи – посмотреть, потрогать, поприсутствовать на САМОМ НАСТОЯЩЕМ МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Старушки станут перешептываться, пацаны со двора будут на спор трогать влажные пятна, а мужики, закуривая лестничную площадку горьким дымом, начнут выяснять – сразу она померла или нет.

Антон Сергеевич мог бы просветить их на этот счет – жертва умерла сразу, наверное, она так и не поняла, что произошло. Сапоцкий даже примерно представлял, как это случилось: вот она возвращается домой, взбегает по лестнице, вставляет ключ в дверь – он до сих пор торчит, в связке три ключа и брелок-далматинец, – замок щелкает, и одновременно раздается выстрел.

Выстрел, которого никто не слышал.

Почему? Глушитель? Работающий телевизор? Очередная стрелялка пятнадцатилетнего соседа по площадке – его колонки почти плавилась от напряжения, а пулеметная пальба мешала спокойному существованию остальных жильцов. Пользуясь удобным случаем, старушки пожаловались на малолетнего хулигана, заодно и просветили Сапоцкина насчет того, что у гражданки Красиловой имелся любовник.

Красилова Инга Вадимовна – так ее звали. Молодая – двадцать три года, и красивая – в квартире вся стена увешана фотографиями. Инга смеется, Инга танцует, собирает цветы, валяется на пляже, обнимается с гигантским плюшевым слоником... Фотомодель. Одна из соседок – пожилая дама с кокетливыми седыми кудряшками и черной лаковой сумочкой, которую она ни на секунду не выпускала из рук, – рассказала про любовника. Свидетельница курила дамские сигаретки, вставляя их в тонкий мундштук, и требовала немедленно этого любовника задержать. Кстати, она не только номер машины назвала, но и довольно внятно описала внешность мужчины.

Но Красилову убили не из ревности или денег, хотя Антон Сергеевич отработает и эти версии. Венки из трогательно-белых роз автоматически связывают это убийство с двумя другими.

Итого три, и Сапоцкин отчего-то не сомневался: счет, открытый одиннадцатого января две тысячи шестого года, уве-

ЛИЧИТСЯ.

Пигалица

Мне приснился странный сон, настолько правдоподобный, что я сперва и не поняла, где нахожусь. Где же солнце, деревянный стол, морщинистый старик с коричневой кожей и почти живой сгусток огня по имени Лакшми? Сказка оборвалась на самом интересном месте. Это в корне неправильно, такие сны не имеют права просто так взять и закончиться. В таких снах хочется жить, а вместо этого приходится вставать и топать на работу.

Кстати, о работе. Я, кажется, проспала.

В очередной раз.

Точнее, в третий на этой неделе. А учитывая, что сегодня всего-навсего среда, то можно считать, мне удалось установить рекорд по количеству опозданий. Ужасно!

О душе, утреннем кофе и уж тем более макияже пришлось забыть. Какой макияж, когда на часах без четверти десять! А рабочий день, между прочим, начинается в девять ноль-ноль. Я только представила многозначительные взгляды наших сотрудниц, хмурое лицо Гошика и надменно-покровительственный тон Лапочки. «Машенька, – вот что она скажет, – я все понимаю, но дальше так продолжаться не может. Ваша должность предполагает определенную ответственность, и мы не можем допустить столь безалаберного отношения к работе...» Потом Лапочка обернется и так неж-

но-нежно пропоеет: «Правда, дорогой?» Дорогой сначала нахмурит лоб, потом вздохнет и кивнет. Гошик никогда не перечит своей Лапочке.

Где уж тут вспоминать красивый сон, тем более мечтать о его продолжении.

Ох, грехи мои тяжкие, все кувырком: на светлых брюках обнаружилось отвратительное пятно неизвестного происхождения, темные не сошлись на талии, пришлось натягивать джинсы. И достанется же мне!

Пять минут на одевание, десять на выгул Степана, еще пять – на поиск папки с документами. И полчаса бесплодных попыток завести машину. Ну, за что мне это наказание? Бегу домой, вызываю такси. Говорят, ждите. Жду. Переминаюсь с ноги на ногу, взгляд от секундной стрелки оторвать не могу.

Где же это чертово такси!

Уж полночь близится, а Гектора все нет.

Нет, не так. Уж полдень близится, а Машеньки все нет.

Машенька – это я. Мария Петровна Пигалица. Смешно, да? Это у меня фамилия такая – Пигалица. А внешне я совсем даже на птицу не похожа, но все равно обидно. Хромой Дьявол по-другому меня не называет, только Пигалица, ну, или Мышь, что еще обиднее.

В офис я влетела, когда стрелки часов сошлись на цифре 12. Замечательно! Великолепно! По-другому и не скажешь. Нацепив «деловое» выражение лица, я попыталась незаметно прошмыгнуть в свой кабинет, но не тут-то было.

– Мария Петровна, – не ко времени выглянувшая в общий зал Лапочка улыбалась так дружелюбно, что у меня скулы свело от злости, – будьте добры, зайдите к Георгию Алексеевичу.

Светочка с Людочкой, переглянувшись за моей спиной, ехидно заулыбались. Светочка – это наш бухгалтер, образцовая сотрудница, образцовая супруга и образцовая мать. По моему, с самого рождения над Светочкой довлело проклятие образцовости, поэтому она так нетерпимо относится к чужим недостаткам. Даже с Людочкой дружит «по долгу службы» или чтобы было с кем посплетничать. Например, обо мне.

И о Лапочке.

И о Гошике.

И уж конечно, о Хромом Дьяволе.

Наверное, следует кое-что разъяснить. Гошик, или Георгий Алексеевич Баюн, – директор и владелец фирмы «Скалли», а заодно мой муж. Бывший. Развод состоялся около года назад, но я по-прежнему считала Гошика своим. И вообще, все так запутано, грязно и больно, что и вспоминать не хочу. После развода мне досталась двухкомнатная квартира, в которой я проживаю на птичьих правах, больная «Тойота» десяти лет от роду, пес Степан редкой породы канекорсо и должность креативного директора.

Лапочка – Элла Есенина, бывшая секретарша, а ныне заместитель директора и, раз уж на то пошло, его новая неве-

ста. Лапочка изо всех сил старается выжить меня из фирмы, а я сопротивляюсь, цепляясь за Гошикову совесть – не такая уж он скотина, чтобы оставить меня без средств к существованию. Фирма-то общая, вместе начинали – я бабушкину квартиру продала, Гошик мамины серьги с бриллиантами заложил, а откуда у Хромого Дьявола деньги взялись – до сих пор не знаю, принес и все. Короче, со «Скалли» мы повязаны крепко, и никакая Лапочка эту связь не разорвет.

Что еще? Ах да, чуть не забыла. Элла очень гордится своей знаменитой фамилией и пытается писать стихи. Лучше бы она и дальше кофе варила.

Ну вот, дошел черед и до Хромого Дьявола. Вообще-то он совсем не дьявол, а нормальный человек, просто мы с ним друг друга немного недолюбливаем. Ай, ладно, чего уж тут, я его на дух не переношу, а он считает меня наглой выскочкой, которая до сих пор пытается связать его драгоценного дружка по рукам и ногам. С самой первой нашей встречи Дамиан – это у него имечко такое, Дамиан – с маниакальным упорством ставит меня на место. Естественно, определенное им место меня абсолютно не устраивает, я сопротивляюсь по мере сил и возможностей.

В Гошкином кабинете собрались все трое: неужели меня ждут?

– Доброе утро! – Я выдавила почти искреннюю улыбку, Гошик хмуро кивнул, Элла кисло улыбнулась, а Хромой Дьявол ответил за всех:

– У нормальных людей уже день наступил, это только у тебя, Мышь, утро до обеда продолжается.

– Вот, вот! – поддержала Лапочка. – Между прочим, сегодня в десять встреча с Йогуртами. Не состоялась. По вашей вине! – Ко мне Элла обращалась исключительно на «вы», дистанцию сохраняла. – Вы же знали, насколько важен для нас этот клиент! Вы у нас креативный директор! Вы, и никто другой! Мне пришлось переносить встречу! Договариваться! Унижаться! Но мало того, что вы позволяете себе появляться на рабочем месте после двенадцати, когда у всех рабочий день начинается в девять... – Лапочка перевела дух. – Посмотрите на себя! На кого вы похожи?!

– На самое себя, – подсказал Дьявол. Нет, против двоих мне не выстоять.

– А что? – притворно удивился он, заметив мой взгляд. – В джинсах ты мне больше нравишься. Есть этакая... подростковая непосредственность.

– Ладно, – в спор вмешался Гошик. – Поговорили, и хватит. Ну, Машка, ты это... Того... Ладно?

– Ладно, – кивнула я. – Можно идти?

– Куда? – встрепенулась Лапочка.

– Работать.

– Иди, – махнул бывший муж и нынешний начальник. В этом весь Гошик. «Ну, это...» «Того...» «Ладно». Образцовый подкаблучник, жаль, что я поздно это заметила.

– В три приедут Йогурты! – напомнила Лапочка.

Ну все, кажется, можно перевести дух и подготовиться к встрече с Йогуртами. Тьфу ты, с Новицкими, как бы и на самом деле не обозвать их Йогуртами. И кому в голову пришло дать этой милой паре такую кличку...

Кому-кому, мне, естественно. Муж и жена Новицкие владели небольшим бизнесом: производили эти самые растреклятые йогурты, которые и требовалось разрекламировать. Кое в чем Лапочка права: к встрече следовало подготовиться, да и видок у меня не совсем чтобы... Остается надеяться, что Герман Новицкий будет оценивать мои идеи, а не внешность.

Вроде бы все готово, проверено и перепроверено. Идея на самом деле классная, родная, вымученная и выстраданная, и слоган замечательный, и наброски. И в успехе я уверена на все сто. Тогда откуда это неприятное чувство, которое не оставляет меня с самого утра? Сон, что ли, виноват?

Может, если кофе выпить, полегчает? В который раз я порадовалась наличию собственного кабинета. Пускай маленький, пускай ремонт здесь делали еще при Екатерине II, пускай нет кондиционера и кожаного кресла, как у Гошки, зато из окна открывается замечательный вид на автомобильную стоянку и мусорные баки, возле которых постоянно кипит жизнь. Из других достопримечательностей следует упомянуть стол, занимающий большую часть жизненного пространства, два стула – мой, старый и неудобный, и для посетителей – поновее и тоже неудобный, компьютер и книжные

полки. Пытаясь создать образ высокообразованного человека, я загрузила их специализированной литературой и женскими журналами. В последних мне нравилось разглядывать картинки и, чего уж там, иногда удавалось натолкнуться на интересную мысль.

Дальше произошло сразу два события: закипел чайник и в дверь постучали.

– Можно?

– Заходи.

С Толиком Алексиным по кличке Бамбр, нашим гением фотографии, у меня сложились весьма теплые отношения, и, как мне кажется, Толик не отказался бы поднять градус до «горячих».

– Вижу, еще жива. – Толя по обыкновению устроился на краешке стола.

– И не надейся.

– Да ладно, Машка, я ж за тебя.

– И за Родину, и за Сталина...

– Все шутишь.

– Шутю. Чего хотел? Если пришел сказать, что для рекламы ортопедических тапочек тебе необходима Клаудиа Шиффер, то это не ко мне.

Толик хихикнул, но как-то слабо, невыразительно. Странно, обычно над моими плоскими шутками он ржал как конь, а тут один-единственный смешок. Непорядок.

– Машка... Хочу спросить... – Бамбр нервно взлохма-

тил волосы. Определенно непорядок, так он делал лишь в минуты сильнейшего душевного волнения. Например, когда съемка не ладилась или очередная подружка после трех дней знакомства пыталась затащить беднягу в загс.

– Спрашивай.

– Что они тебе сказали?

– Ничего нового. – Я успокоилась. – Что встречу перенесли, и чтобы не опаздывала больше.

– И все?

– Все.

– Точно?

– Слушай, – я разозлилась, – чего тебе надо? Подробно узнать, как меня Лапочка чихвостила? Так ты у Светки поинтересуйся...

– Не злись, Машка. Просто... в общем... даже не знаю, как тебе сказать...

– Словами.

– У нас новый креативный директор! – выпалил Толик и на всякий случай слез со стола. А я... а я ничего. Сидела, пытаюсь уложить информацию в свою систему координат, а информация, как следовало ожидать, не укладывалась.

– Как новый? А я?

– Не знаю. Я, Машка, вообще ничего не понимаю. Никто не понимает. Сегодня с самого утра Лапочка собрала всех, я еще подумал, что ей делать нечего, раз посреди недели собрания устраивает... – Алексин замолчал, а я тупо кивну-

ла. – Ну и представляет какого-то типа. Сказала, что это – наш новый креативный директор. Машка, что теперь будет?

– Ничего. – Я поднялась с диким желанием кого-нибудь убить. Например, Гошика. О да! Сейчас я покажу этому мерзавцу, где раки зимуют! За моей спиной! Меня! Да как он вообще подумал! Толик испуганно попятился.

Дверь в кабинет директора я открыла ногой.

– Гоша, нам надо поговорить!

Он растерянно заморгал и обернулся на Лапочку. Ага, понятно, чья это была идея. А Дьявола нету. Замечательно!

– Я тут кое-что узнала! – Пускай сам скажет, глядя мне в глаза. Как бы не так, Гошик моментально отвел взгляд, уткнулся носом в бумаги, будто я и не с ним разговариваю. А Элла уже летит на помощь, тоже мне, Чип и Дейл в одном лице.

– Мария Петровна! Что вы себе позволяете?!

– Это вы себе позволяете, а я пытаюсь понять. Например, что за новый директор у нас объявился?

– Маша, понимаешь... – Гошик покраснел. – Такая ситуация... Нужно развиваться... Идти вперед... – забубнил он.

– Значит, это правда?

Ответом мне был виноватый кивок.

– Гош, ну как же так? А? – Весь мой запал исчез, и Лапочка мгновенно воспользовалась ситуацией.

– Фирме нужно развиваться! А вы, извините за выражение, дилетант! И идеи у вас дилетантские. Нам нужен хоро-

ший специалист. С именем!

– А я?

– А что вы? Будете работать, как работали, но под началом опытного человека. И вообще, если бы вы не манкировали своими обязанностями и уделяли больше внимания вопросам самообразования, нам бы не пришлось... – Элла запнулась, раздумывая, как бы закончить красивую фразу, но, видимо, источник мудрости иссяк, и в заключение Лапочка заявила: – На работу вовремя приходиться надо!

– Машенька, ты же знаешь, у нас много конкурентов... Заказов все меньше... Володя – нормальный парень, вы обязательно сработаетесь. – Бывший муж робко улыбнулся. Гошик, он вообще нежный, чувствительный, совершенно неспособный жить самостоятельно.

– Работать-то он где будет? – Вопрос занимал меня постольку-поскольку, это не моя проблема, где будет работать нормальный парень Володя. Оказалось, зря я так думала. Гошик снова покраснел, а Лапочка преувеличенно вежливым тоном поинтересовалась:

– А сколько времени вам понадобится, чтобы освободить кабинет? Вы ведь больше не директор, а места у нас немного, поэтому придется переселиться.

– Куда?

– В общий зал. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Правда? – Она что, хочет, чтобы я зашла от восторга при мысли быть выселенной из собственного кабинета в общий

зал? Нет, я согласна, с местом у нас действительно туговато. Кабинет для Гошика и Лапочки. Отдельный закуток у Хромого Дьявола. Фотостудия Толика, там еще, кажется, провочная наличествует. Конференц-зал, где всякие презентации проводим. Мой кабинетик, который, выходит, уже и не мой. И общий зал – большая комната, разделенная тонкими перегородками на крошечные отсеки, где и обитает подавляющее количество наших сотрудников, начиная с бухгалтерии и заканчивая Иваном – мужчиной неопределенного возраста, который подвизался в «Скалли» на должности курьера.

– А если я против?

– Ну, Мария Петровна, – Лапочка улыбнулась, – в принципе заставить вас работать силой никто не может...

– На что намекаешь?

– Во-первых, попрошу вас соблюдать нормы общения в трудовом коллективе. Во-вторых, работник, которого не устраивают решения руководства, всегда может найти себе другую работу и, следовательно, другое руководство.

– Гош, ты что? Собираешься меня уволить? Это ведь и моя фирма тоже!

– А где это написано? – как бы между прочим поинтересовалась Элла, и я заткнулась. Нигде. Юридически фирма принадлежит Баюну, а я никто, так, бывшая жена. У меня даже фамилия другая.

– Маш! Эля! Успокойтесь! Маш, ты сама знаешь, что я те-

бя не уволю. И зарплата останется... Демка предлагал, чтобы тебя к нему переселить, но...

– Спасибо, не надо. – Уж лучше вместе со всеми Людочками, Светочками, Валечками, чем наедине с Хромым Дьяволом.

– Я так ему и сказал, что ты не согласишься. Так ты переселишься сегодня? А то я Володьке пообещал...

Ну конечно, он пообещал Володьке мое место и мой кабинет, я же должна подчиниться с улыбкой на лице и радостью в глазах. Меня так и подмывало хлопнуть дверью на прощание, сдержалась – некрасиво, да и дверь жалко, она точно ни при чем.

Толик ждал меня в кабинете, сидел на столе и нервно перебирал бумажки.

– Ну как? – Голубые, по-детски наивные глаза с надеждой воззрились на меня.

– А никак.

– Плохо... Я, того... Пойду, что ли, а то работы много. – Он еще немного потоптался на пороге. – Ингу убили. Слышала?

– Нет.

– Вчера. Застрелили. Она была красивая.

– Да? Наверное... – В данный конкретный момент меня больше волновала собственная судьба. А Инга... Я даже не понимаю, о какой Инге идет речь.

– Ну, так я пошел? – повторил свой вопрос Толик. – А то

этот приехал...

– Иди. – Только сейчас я поняла, что забыла спросить, а как, собственно говоря, будет называться моя должность?

Дизайнер, обыкновенный дизайнер. Стремительная карьера, однако: была директором, стала дизайнером. С «этим», как назвал нового начальника Толик, мы познакомились: еще один удар по самолюбию. Запольский Владимир Владимирович был моложе, нахальнее и, что самое обидное, талантливей. А еще он прекрасно осознавал свои преимущества и не стеснялся их использовать. Так, меня он с ходу окрестил Машенькой, приравняв таким образом к Людочке, Светочке и Анечке, а заодно отчитал за опоздание. Прилюдно, как девчонку.

Разбор моих трудов Владимир Владимирович устроил, слава богу, в моем, ах, простите, своем кабинете. Чего я только не наслушалась! И мыслю я шаблонно. И образования у меня нет. И реализовать идею не способна. И... и вообще непонятно, как фирма с таким креативным директором на плаву держалась.

Паразит.

Красивый паразит.

Красивый самовлюбленный паразит.

Сладкий, как сахарная вата, блондинчик с пухлыми губами, мужественным подбородком и выразительными серыми глазами.

А кабинет он попросил освободить сегодня же, видите ли, ему работать негде.

ОХОТНИК

Установить владельца серебристого «Лексуса» не составило труда. Пыляев Дамиан Никанорович. Вот так сюрприз. Сапоцкин не знал, как относиться к подобному сюрпризу, но, честно говоря, был рад повидаться со старым знакомым. Вот, правда, повод для встречи не самый радостный, но тут уже ничего не попишешь.

Нарушая все правила, Антон не стал вызывать Пыляева на допрос, а пригласил по старой памяти на «чашечку пива». Пить это самое пиво Сапоцкин не собирался, как и забывать о деле, просто в кабинете нормального разговора не получилось бы. К месту встречи Пыляев подкатил на машине, и Сапоцкин ощутил мгновенный укол зависти – серебристая заграничная птица, не чета его «шестерке», деньги на которую Антон собирал два года.

– Привет! – Пыляев почти не изменился, хоть не виделись они уже лет десять. Сапоцкин мысленно прикинул – вышло, что даже больше, чем десять.

– Привет.

– Как дела? – За Димкиным вопросом стояло не желание узнать, как он, Сапоцкин Антон, прожил эти годы, а интерес, с какой это радости ему вдруг захотелось встретиться.

– Нормально. Садись. Или не по чину в забегаловке сидеть? – Проклятая зависть все-таки выбралась наружу и те-

перь тихо радовалась, довольствуясь мелким укусом. Пыляев молча плюхнулся на пластиковый стул. А в универе он попроще был, безо всех этих костюмов, рубашек, галстуков и машины, на которую Антону в жизни не заработать. К столику моментально подлетела девица, старательно улыбалась, демонстрируя кривоватые и желтоватые зубы, и бросала в сторону Пыляева довольно-таки откровенные взгляды. А Сапоцкину сказала, что у них самообслуживание и что она не официантка, чтобы заказ на столик таскать. Антон с трудом дождался, пока та уберется к себе, за стойку.

– Ты Красилицу знаешь? – Беседу он хотел начать не так, но проклятая зависть, с которой Антон все никак не мог сладить, диктовала свои условия.

– Кого?

– Красилицу. Ингу. Вадимовну, – четко повторил Сапоцкин.

– Ну знаю. Только насчет отчества не уверен. Рыжая и с веснушками?

– Угу. Рыжая и с веснушками. – Веснушки Антон заметил на фотографиях – выбираясь из черепной коробки, пуля раз и навсегда стерла их. И личико стерла, только волосы и остались, рыжие, точно мандарины, кудряшки. Димка молчал, а Сапоцкин не знал, что говорить дальше. Наверное, лучше в кабинете было бы, там сразу понятно, кто есть кто. А здесь...

– Ну, выкладывай, что случилось.

– Какие отношения связывали вас с Красилицой Ингой

Вадимовной? – Антон сам ненавидел себя и за зависть, и за жуткий официоз, который являлся продолжением этой самой зависти, и за подозрительность, и за то, что старый приятель как-то в один момент перестал быть старым приятелем и перешел в разряд подозреваемых. Пыляев не дурак, небось понял уже, куда дело катится, но фасон держит, дежурно улыбается и молчит. Пауза затягивалась, и с каждой минутой Антону становилось все более неловко, более того, он чувствовал себя виноватым.

Молчание нарушил Димка:

– Антоха, давай так: ты мне рассказываешь, что там у тебя случилось, а я отвечаю на все твои дурацкие вопросы. Отвечаю, как положено, честно, четко и от души.

Пыляев выдвинул ультиматум, можно хоть тысячу раз прикрываться всякими там вежливыми отговорками, но так и есть. Либо Сапоцкин играет по Димкиным правилам, либо Димка уходит, и тогда Антону придется действовать официальным путем: повестки, допросы, на которых Пыляев будет молчать из чистого упрямства, – Антон еще с универа помнил, насколько тот упрям, – а еще, не дай бог, адвоката призовет, с него станется.

– Ладно. Слушай. – Сапоцкин понимал: то, что он собирается сейчас сделать, – незаконно, но, черт побери, он скорее свой кактус без майонеза сожрет, чем поверит, будто Пыляев маньяк. – Красилина Инга Вадимовна была убита...

Пигалица

Наконец все разошлись. Сначала Гошик с Лапочкой. Потом Владимир, которого я окрестила Херувимом, – а что, есть у нас Дьявол, пускай и Херувим будет, для пары. За ними остальные потянулись, Толик ушел последним, он единственный, кто предложил свою помощь, но я отказалась, не потому что гордая слишком, просто... Сама. Я все должна сделать сама. Собрать личные вещи, как приказано. А что делать, если весь кабинет одна большая личная вещь? Стол я выбирала, когда мы только-только открылись, тогда вся «Скалли» в двух комнатах умещалась – в одной мы с Гошиком и Дамиан, а в другой – фотолаборатория. И не было никакого Владимира Владимировича, и Лапочки, и Светочки, втроем пахали. Круглосуточно. Валились с ног, питались хлебом, запивая водой из-под крана, потому что сбегать за колбасой времени не было. Считали копейки и праздновали первый успех. За этим самым столом праздновали. Стул тоже мой, с распродажи: кто-то пролил кофе, и из-за пятен стул уценили. Мои книги. Журналы, календарь за позапрошлый год, фотография Степана – потерпи, дружок, я скоро вернусь. Желтый цыпленок в корзинке – пасхальный подарок самой себе, и кружка с отбитой ручкой и жизнеутверждающей надписью «Никогда не сдавайся». Ради надписи я ее и приобрела.

Не сдавайся. А как? Плохо работала. Не умею. Нет образования, и мыслю я шаблонно. Обида душила изнутри. Обида и осознание собственной ненужности. Слезы сами полились из глаз. Хорошо, что все ушли, стыдно плакать. Я сильная. Я переживу. Развод пережила, и это тоже. Ерунда. Нужно верить, что все будет хорошо.

Успокоиться.

А слезы капают.

– Эй? Пигалица, ты чего? Ревешь, что ли? – Ну, естественно, он тут как тут – Пыляев, Хромой Дьявол.

– Нет. – Я вытерла слезы ладонью. Глаза саднило, плакать мне вообще не рекомендуется, а в его присутствии тем более.

– Я был против. – Дамиан присел на гостевой стул. Поморщился, видно, нога разболелась. – Тебе помочь?

– Спасибо, не надо.

Я понадеялась, что он уйдет, но Хромой Дьявол и не шелохнулся, недруг, он недруг и есть, хочет посмотреть, как мне плохо, больно и обидно. От злости слезы моментально высохли. И вообще домой давно пора, Степан у меня, конечно, мальчик воспитанный и терпеливый, но любому терпению есть предел, как бы мне уборкой заниматься не пришлось. Вот кто бы еще сказал, куда все это добро девать. Как не вовремя машина сломалась – в руках коробки не утащишь. Оставить? В выделенном отсеке я сама с трудом помещаюсь, Гошик свой кабинет закрывает.

– Ко мне тащи. – Подобно всякой уважающей себя нечи-

сти, Дамиан время от времени развлекался чтением мыслей, как правило, моих.

– С чего такая любезность?

Он не ответил. Он вообще снисходил до ответа лишь в том случае, когда хотел уязвить побольнее, но сегодня мне и так досталось.

А коробка-то тяжеленная. Нет, ни за что не поверю, что пара каких-то книжек весит, будто... Будто... Будто ящик с кирпичами.

– Помочь?

Я замотала головой, он не стал настаивать. В общем, отношения у нас сложные, была одна крайне неприятная история, после которой и воюем. Раньше просто друг друга недолюбливали, а теперь ненавидим.

Я, во всяком случае, ненавижу, за него говорить не стану.

Дамиан молча хромает сзади, небось снова в мыслях моих копается. Нет, я девушка современная, образованная и в меру циничная, в чертей не верю. Ладно, почти не верю, Хромой Дьявол – исключение. Ну не может он человеком быть. Не может. И чтение мыслей тут совершенно ни при чем – понимаю, что все мои мысли у меня большими буквами на лбу написаны. Просто... внешне Дамиан – оживший врубелевский демон, и дело не столько во внешности, сколько в ауре, харизме... не знаю, как это называется правильно. У него даже хромота и та не как у людей. Когда смотришь на нормального хромого человека, становится беднягу жаль, но

ни у кого не возникало мысли пожалеть Дамиана.

А кабинет у него совсем крошечный.

– Куда поставить?

– Куда хочешь.

Я засунула коробку под стол.

– Завтра заберу.

Он только кивнул. Держится за колено и морщится, видать, совсем припекло. У него это случалось – ходит себе, ходит, нормально все, а потом раз – и дня два-три передвигается только с помощью костыля. А один раз даже в больницу попал, но это давно было.

– Больно?

– Пройдет.

Ага, знаю я, как пройдет. Его еще в той больнице предупреждали – ногу беречь, если болит, то лежать нужно, а не... а не торчать в офисе, когда рабочий день окончен.

– Костыль твой где?

– Дома.

– Лучше б ты голову дома оставил, – пробурчала я. Придется подвозить его домой, а то совесть загрызет. Так. Стоп. На чем подвозить, когда я нынче безлошадная?

– Подкинешь? – Видно было, что Дьяволу не слишком хотелось обращаться ко мне с просьбой.

– Я без машины сегодня. Не завелась.

– Понятно... – Дальше разговаривать вроде бы и не о чем, а повернуться и уйти я не могла. Ну не хорошо это – бросать

больного человека, так уж меня бабушка воспитала.

– Давай я такси вызову? Все равно домой добираться как-то надо, вот и тебя подкинем. – По-моему, вариант удачный, нейтральный.

– У меня машина на стоянке. Подгони ко входу, – распорядился Пыляев. Вот что-что, а приказывать он умел. У меня и мысли не возникло не подчиниться. А когда подъехала, Пыляев уже ждал меня на ступеньках. Неугомонный. Может, притворяется? Если бы не больница, я бы так и решила. Он рухнул на сиденье и попытался вытянуть больную ногу вперед, не получилось. Его «Лексус», конечно, не чета моей старушке «Тойоте», но и в нем места маловато.

– Может, в аптеку заедем?

– Дома.

Я догадалась, что он имел в виду: дома есть все необходимые лекарства. Адрес я еще помнила, если он не изменился. Не изменился ни адрес, ни сам дом: старая пятиэтажка без лифта, честно говоря, с Дамианом это место не слишком вязалось. Ну да это его личное дело, где жить. Зато Хромой Дьявол дал мне свою машину, сказал, будто завтра все равно за руль сесть не сможет, я же сделала вид, что поверила.

ОХОТНИК

Дело зашло в тупик. Между тремя девицами не было ничего общего, кроме места работы, да и так это скорее догадка, чем реальный факт. Тот же Пыляев четко и доступно объяснил, что все три жертвы с равным успехом могли пересекаться в любой из десятка фирм – у «Скалли» хватало конкурентов, правда, и девочек, желавших сняться в рекламе, тоже, но Димка прав, на одной «Скалли» заикливаться не нужно.

А на чем тогда? На цветах, благодаря которым Сапоцкин не только объединил все три дела в одно, но и отнес его к разряду странных, а следовательно, нелюбимых. Возле каждой жертвы находили венок. Всегда розы. Венок из роз – Антон специально перелопатил кучу разной дурацкой литературы – означал воздаяние и искупление, это как живой символ прощения, но вот в чем и перед кем провинились три молоденькие девушки, узнать не удалось.

Пыляев посоветовал проверить, не присылали ли цветы и раньше, когда потерпевшие были еще живы, а Сапоцкин выругался, кажется, вслух, потому что он сам, без подсказки, должен был додуматься до такой элементарной вещи.

Сейчас на столе лежал целый список, с которым еще предстояло разбираться, выяснять, что каждый из этих цветочков означает, и тогда, возможно, хоть что-то да прояснится.

А бабка Пыляева не признала – Сапоцкий не поленился съездить, показать снимок, правда, старый, еще со студенческих времен, но и Димка не сильно изменился, его вообще сложно с кем-то перепутать. Так вот, свидетельница была абсолютно уверена насчет машины, но, по ее словам, за рулем сидел не Пыляев, а «худой усатый, похож на Лукаса из „Судьбы и предназначения“.» Для очистки совести Антон даже посмотрел серию этой чертовой «Судьбы» – у тамошнего Лукаса были шикарные усы, фигура спортсмена и повадки опытного афериста. Главное, что между Лукасом и Пыляевым Дамианом Никаноровичем не было ровным счетом ничего общего.

Ничего, кроме серебристого «Лексуса» с госномером...

«Лексус» числился за Пыляевым, ездил на нем неизвестный Лукас, а Димка утверждал, будто машину никому не дает.

Ложь. Когда машину берут без спроса, это называется «угон». Об угоне заявляют в милицию, а Дамиан спокойно раскатывает на своей иномарке и нагло врет старому приятелю. Сапоцкий не сомневался, что, покопавшись в ближайшем окружении Пыляева, найдет Ингиного любовника, но для начала решил заняться цветами.

Итак, Василевская Анфиса Игоревна первый букет получила...

После огранки камень сильно потерял в размерах, зато... Кэнэбоди не ошибся: маленькая Лакими стала в сотни,

нет, в тысячи раз прекраснее большой. Сам раджа преклонил колени перед этим чудом, и мастер возрадовался. О, если бы мог он знать, какие беды принесет алое сердце. Его следовало бы назвать в честь черной Кали¹⁰, истинной владычицы мира, чья ненависть наполняет ядом зубы кобры и яростью сердце тигра. Лишь тысячерукая богиня, утоляющая свою жажду человеческой кровью, вечная воительница, научившая людей отвратительнейшему искусству убивать, способна придумать такое.

Как он мог перепутать цвет радости с цветом крови?

Слишком похожи.

А как хорошо все начиналось: вот долгожданные гости въезжают в ворота Кашмира. Трубят рога, женичины в праздничных одеждах бросают гирлянды цветов, приветствуя молодого раджу. Медленно и важно ступает белый слон, бивни которого украшены золотом и драгоценными камнями. Стража с улыбками принимает цветы, и щеки красавиц пламенеют под дерзкими взглядами чужаков.

И вскоре радостная и одновременно печальная новость облетела город – прекрасная Серасвати станет женой молодого раджи. И луна не успеет смениться на небе, как красавица уедет в далекий Лахор, а Кашмир лишится одного из своих сокровищ. Но нет, мало показалось принцу Субрумэни одной Серасвати, не в добрый час похвалился старый раджа

---

¹⁰ Богиня, олицетворяющая разрушительные силы природы, культ Кали требовал человеческих жертв.

вторым сокровищем Кашмира: алый огонь камня застлал разум молодого воителя безумием. Трижды обращался юноша к отцу нареченной с просьбой уступить дивный ратна-радж, названный в честь покровительницы любви и удачи Лакими, трижды получал отказ, но не смирился.

Где были твои глаза, старый Кэнэбоди, почему не разглядели они зло, таящееся под оболочкой совершенства? Ты восхищался мятежными золотыми искрами внутри камня, а теперь, когда пламя вырвалось на волю, сетуешь.

Субрумэни хватило терпения дожидаться свадебного пира. Гулял весь город: мужчины, женщины, даже дети и те веселились, глядя на белокрылых голубей, выпущенных в небо во славу молодых. Но стоило благодатной тьме прохладой опуститься на утомленную жаром землю, друзья превратились во врагов. Огненный смерч пронесся по улицам Кашмира, вслед за огнем шли воины, китариа Субрумэни, свирепые псы о двух ногах. Кровью восславили они имя своего повелителя.

Две невесты вместо одной получил раджа. Юную Серавати и огненнолицую Кали. Две свадьбы сыграл – днем с прекрасной девушкой и ночью с ужаснейшей из богинь.

Будь ты проклят, обезумевший властелин.

Будь ты проклят, ратнарадж.

Будь ты проклята, Кали Черноногая.

Три дня город сотрясали крики боли и ужаса. Три дня лилась кровь. Три дня умирал Кашмир на потеху чужакам.

А на четвертый день армия ушла.

Белый слон с бивнями, украшенными золотом. Всадники, ленивые и довольные, точно тигр после удачной охоты. Безумный раджа. Юная принцесса, которой предстояло делить ложе с человеком, убившим ее отца, и с Кали.

Старый Кэнэбоди пережил родной город. Но следом за Кали приходят ее божественные служанки: Оспа, Проказа и Чума, и снова наступает время смерти. Она прилетает на крыльях ветра. Она таится в капле воды. Она живет в беспощадных лучах солнца.

*О, великий Брама! О, мудрый Вишну! О, свирепый Шива!
За что вы прокляли этот мир?*

Пигалица

Из сна я вынырнула. Перед глазами еще стоял полыхающий город, в ушах звенели вопли отчаяния, ржание обезумевших от огня и крови лошадей, радостный рев победителей и чей-то безумный смех. Я была сразу всеми. И стариком-ювелиром, чья вера в доброту богов погибла вместе с городом. И перепуганной девушкой, рвущейся из лап смуглолицых воинов. И той же девушкой, но часом позже униженной, раздавленной, умирающей... И мужчиной с перерезанным горлом... Ребенком... Молодым раджой с непроносимым именем и юной принцессой...

Сумасшествие, возможное лишь во сне.

Нет, только кошмаров мне не хватало для полного счастья. Как подумаю, что снова на работу топать, – в дрожь бросает. С исторического момента краха моей карьеры прошло восемь дней, и у меня давно не случилось более отвратительного периода.

Началось все с пустяка: на следующий день после моей отставки я снова опоздала, не сильно, минут на пять, но Херувиму хватило и этого. Видите ли, я отняла пять минут времени не только у себя, но и у всего коллектива, который был вынужден дожидаться дизайнера Пигалицу, ибо без последней никак невозможно провести летучку. А без летучки нельзя работать. К слову, выговор я перенесла почти безболезнен-

но, старательно улыбалась и шефу не перечила. Владимир Владимирович успокоился и пребывал в этом замечательном состоянии ровно до тех пор, пока не столкнулся с Хромым Дьяволом.

Из-за меня, хотя лично я тут совершенно ни при чем.

Если по порядку, то, вырвавшись из цепких лап нового начальства, я обнаружила, что на новом рабочем месте мне не хватает пары-тройки родных сердцу мелочей. Пришлось тащиться к Пыляеву, я немного волновалась, на месте ли он, но, как оказалось, зря. Хромой Дьявол не только явился на работу, он успел похозяйничать в моей коробке. И не только в ней: за ночь кабинет чудесным образом преобразился. Я не я, если здесь обошлось без черной магии, иначе как объяснить все это? Новый стол, два компьютера, полки на стене, а на полках мои книги. Календарь тут же, и Степкина фотография к монитору приклеена. Как это прикажете понимать?

Я и спросила, а он ответил. Оказывается, Дамиан решил, что в его конуре хватит места для двоих, и, как обычно, мое мнение его не слишком интересовало. А я обрадовалась, глупо и совершенно по-детски. Взгляды, которыми меня сегодня встретили в общем зале, не сулили ничего хорошего. Эти милые девочки так искренне радовались моим неудачам, что... Короче, возражать я не стала, здраво рассудив, что в этом соседстве есть определенная выгода – будет с кем поругаться.

Ну а чуть позже появился Херувим, удивленный моим от-

сутствием на рабочем месте. Не успела я рта раскрыть, как Пыляев внятно и доходчиво объяснил уважаемому Владимиру Владимировичу, что определять и распределять места он может сколько душе угодно, но работать я буду здесь, в этом конкретном кабинете. Запольский попытался было возразить, но кому, как не мне, знать: возражать Дамиану – это то же самое, что судоходный канал чайной ложкой рыть, вроде и не запрещает никто, а с другой стороны, занятие нудное и абсолютно бессмысленное. В общем, Запольский вылетел из кабинета как пробка, а я осталась на территории Хромого Дьявола, еще обрадовалась, дура, знала бы, чем эта радость обернется. Запольский мне своего поражения не простил и всю неделю отрывался, как мог: приход, уход, одежда, а уж что он о моих работах говорил, уже при всех, не стесняясь...

Обидно, честное слово.

Спасибо, хоть Дамиан свои шуточки в прошлом оставил, теперь он меня просто игнорировал.

И вот теперь мне предстояло настроиться на рабочую неделю. А как тут настроишься. Хотя... Сегодня тринадцатое. Во-первых, день зарплаты, во-вторых, тринадцатого-четырнадцатого числа каждого месяца, кроме зарплаты, я получала причитающуюся часть дохода от фирмы. Пожалуй, все не так и плохо.

В офисе было тихо, спокойно и на удивление мирно.

– Привет.

– Угу. – Пыляев на минуту оторвал взгляд от монитора. –

Тебя Гера спрашивал.

Удивительно, сколько уменьшительных имен можно про-
извести от имени Георгий.

– Зачем?

Дамиан пожал плечами. Ясно. Не знает. Или знает, но не скажет, тоже мне, партизан выискался.

Вошла я без стука, о чем моментально пожалела – Гошик обнимался с Лапочкой, да так, что... Обидно, хоть и бывший муж, но у меня все внутри переворачивается, когда на Лапочку смотрю, а она, как назло, с каждым днем краше становится. И сейчас: кудряшки растрепались, щечки покраснелись, глаза блестят. Я рядом с ней чувствую себя старой неуклюжей коровой.

– Искал? – Лапочку я решила игнорировать.

– Да. – Гошик смущенно потупился.

– Вас стучать перед тем, как войти, не учили? – Ей даже злость шла.

– У меня вообще с образованием туговато.

– Оно и видно.

– Девочки, прекратите немедленно. Маша, тут такое дело... Февраль месяц мертвый... Прибыли никакой... И работник новый... Пришлось потратиться...

– Так. Стоп! – прервала я Гошкины излияния. – Как это никакой прибыли? Не может такого быть! – Февраль, конечно, не декабрь, но все же...

– Вы нам не верите? – Лапочка вступила в бой. – Вот отчет

бухгалтера! Надеюсь, Светлане вы еще доверяете? Читайте, читайте, что ж вы стали? Проверяйте нас!

Я проверила чисто из принципа, хотя понимала – если уж Лапочка дает мне бухгалтерию проверить, то Гошик не врет, и не видать мне прибыли за февраль месяц.

Но как же так? Я ведь хорошо помнила – в феврале у нас было больше заказов, чем в январе. И вообще...

– Ты, конечно, можешь потребовать... Но...

Требовать? Я усмехнулась. Что требовать? Процент с минуса? Похоже, на моих планах по обновлению гардероба придется поставить крест.

– Хоть зарплату-то дадут?

– Дадут, дадут, – заверила Лапочка, она почти сияла от счастья. Вот идиотка, это ж не только я в минусе, но и Гошик, а следовательно, и Эллочка. Чему радоваться? Я поднялась, собираясь уйти, не тут-то было.

– Маш, тут это, еще кое-что... Володя жаловался, – вздохнул Гошик. Он терпеть не мог разборок между подчиненными. – Ты опаздываешь все время. Грубишь. Указания игнорируешь. Да еще с Демкой его стравила. Зачем, Маш? Ты ж большая девочка, понимаешь, что Запольский нам нужен. Я столько усилий приложил, чтобы переманить его из «Супры», а ты работать мешаешь.

– Это он так сказал?

– Неважно. Прекращай ты это, ладно?

– Ладно. – Меня распирало от злости. – Еще вопросы есть

или я могу идти?

– Иди.

Кажется, я круто пролетела со своей надеждой на удачный день. Все, буквально все валилось из рук. Херувим четыре раза заставил переделывать концепцию рекламного буклета одной туристической фирмы, а потом взял и принял самый первый вариант. Да и со Светочкой поругались из-за какой-то дурацкой бумажки, которую она мне якобы передала, а я потеряла, хотя никакой бумажки я в глаза не видела. Но Херувим, приняв сторону Светочки, заставил меня трижды перерыть все бумаги в кабинете. В третий раз под личным его присмотром. А когда проклятая бумажка нашлась, причем в другом месте, и не подумал извиниться.

Наконец рабочий день подошел к концу, и народ стал разъезжаться. Я бы тоже с удовольствием разъехалась, но Запольский, решив, что тружусь я мало и плохо, подбросил занятие – разобрать хлам. Хлам – это недодуманные или нереализованные идеи, наброски, эскизы, слоганы, короче, все, что когда-то было придумано, но не пригодилось. А мне нужно эту груду разложить по отдельным тематическим папкам. Работа, безусловно, нужная, но муторная и отнимающая много времени.

Зла не хватает.

– Ты что, заночевать решила? – О-па, у Пыляева, кажется, голос прорезался. Поругаться хочет, что ли?

– Ты тоже не особо спешишь. – Говорю чистую правду:

как бы я ни задерживалась на работе, Пыляев уходил еще позже, как бы рано я ни приходила, он уже был на своем месте. Если бы не чистые, отутюженные рубашки, я бы решила, что он ночует прямо в кабинете.

– Некуда спешить, – миролюбиво сказал Дамиан. – А тебя зверь ждет. Кстати, как он поживает?

– Степка? Нормально. Ест, спит и хулиганит.

– Передавай привет.

– Всенепременно. – А ведь Степку принес Пыляев, и мы с Гошиком впервые в жизни разругались: бывший требовал немедленно убрать «мелкую тварь» из дома, а мне было до слез жалко несмышленища. Несмышленищ рос, оставлял лужицы на персидском ковре ручной работы, испытывал неистребимую привязанность к итальянским ботинкам Гошика, валялся на шелковых простынях Аделаиды Викторовны, моей незабвенной свекрови, короче, пакостил изо всех сил.

Хорошее было время.

– Дим, ты у нас умный?

– Не знаю, а что?

– Умный, умный, не притворяйся. Объясни-ка мне, как так получилось, что в феврале мы в минусах остались?

– То есть?

– Заказы были? Были. Клиенты платили? Платили. А баланс на минусе. Тебе что, Гошик не сказал?

Хромой Дьявол внимательно посмотрел на меня, потом

на монитор, перевел взгляд на потолок и снова на меня.

– И когда это он тебе сказал, что мы в минусе?

– Утром.

– Это когда к себе вызывал? – уточнил Пыляев.

– Точно.

– Бумаги какие-нибудь показывал? Или на слово поверила?

– Показывал. Лапочка показала.

– А ты уверена, что правильно поняла? Ну, насчет минуса?

Я нахмурилась. Нет, я, конечно, не финансовый гений, как Дамиан, но мозгов отличить плюс от минуса хватит.

– Видишь ли, – примиряюще сказал он, – я абсолютно точно знаю – никакого минуса нет и быть не может. Интересно... Выходит, Светлана тоже... Правильно, Гера сам не додумался бы...

Я слушала, но не понимала. До чего Гера... И почему «Светлана тоже»?

– Чтобы аккуратно все сделать, знать надо...

– Что знать-то?

– Бухгалтерию. – Он замолчал на полуслове, а до меня наконец дошло. Резко и сразу. Дошло бы и раньше, но я же верила Гошику, бездумно и безоговорочно. Я и сейчас продолжала сомневаться. Смотрела в наглые черные глаза Дамиана и убеждала себя, что Хромой Дьявол все придумал. Зачем Гошику обманывать меня? Как ему вообще такая мысль в го-

лову пришла? Нет, не ему. Ей. Ну, конечно, как я раньше не догадалась! Виновата Лапочка. Она придумала, а Гошик слабый... Она заставила его, вынудила пойти на эту подлость.

– Убью паразитку! – Только сейчас я заметила, что говорю вслух. Пыляев усмехнулся. – Нет, честное слово, убью! Завтра с утра пораньше.

– Успокойся, Пигалица. Я сам разберусь.

– Ты?

– Я. Не веришь?

Ну, не то чтобы не верю, наоборот, я не сомневаюсь: Хромой Дьявол способен разобраться с кем угодно, невзирая на чины, погоны и регалии. Только зачем ему решать мои проблемы, когда он сам – одна большая проблема? И отношения у нас натянутые.

– Тебе-то какой интерес?

– Интерес? Интерес есть. Сегодня ты, а завтра я. А меня, Мышь, это не устраивает... Совсем не устраивает. – В его словах имелся определенный резон: положение у Димки ненамного лучше моего. Когда начиналась «Скалли», все были друзьями-приятелями, друг другу доверяли и, следовательно, никаких бумаг не подписывали. Баюн стал директором по двум причинам: во-первых, связи Аделаиды Викторовны, во-вторых, наша с Пыляевым взаимная неприязнь.

К слову, я совершенно не представляю, чем занимается Дамиан: он программист по образованию, в бухгалтерии и финансах неплохо разбирается, до появления Светочки де-

нежными делами ведал, но теперь-то чего он целыми днями торчит в офисе, точно приклеенный? И вот за мои проблемы взялся.

– Езжай домой.

– А работа?

– Работа, – улыбнулся Дамиан, – не волк, в лес не убежит.

Завтра доделаешь. И Степке не забудь привет передать.

Не забыла, все в точности выполнила, заодно и на жизнь пожаловалась. Степан в этом плане идеальный собеседник: не перебивает, не передергивает на себя, не лезет с советами, молча слушает да кивает лобастой башкой. Степка у меня умный, говорят, порода такая.

Вперед, вперед, теперь только вперед. Не оглядываться. Не думать о том, что мышцы сводит от усталости и больше всего на свете хочется лечь прямо здесь, на узкой горной тропинке, удобной лишь для лохматых горных коз. О том, что ноги сбиты в кровь и руки почернели от грязи. Не думать, что в животе урчит и нестерпимо хочется пить. Нельзя. Ни есть, ни пить, ни позволить себе одну-единственную минуту отдыха. Вперед. Горы – ее единственная надежда на спасение. Сзади погоня.

Серасвати почти слышала их голоса, почти видела лица, почти чувствовала грубые руки на своем теле. О, молодой раджа, ее муж и повелитель, показал ей, на что способны руки его воинов. Она пыталась закрыть глаза, чтобы не ви-

деть рыжих отсветов пламени на стенах из белого мрамора и тела отца в луже крови. Мертвые глаза широко распахнуты, точно старик силился запомнить происходящее, чтобы пожаловаться мудрейшему из богов на коварство зятя. Воины, не сумевшие отвести беду от своего повелителя, лежали здесь же, мертвые руки сжимали оружие, а души уже отлетели к престолу Тримурти. Им тоже будет о чем поведать богам.

Той ночью живые позавидовали мертвым.

Субрумэни отдал город на милость китариа. Но шакалам неизвестно милосердие. Шакалы жаждали золота, крови и развлечений.

Он обещал подарить им и Серасвати, если она не окажет должного почтения к своему новому повелителю.

Она старалась.

Она ненавидела.

Она убила.

И пусть душа ее после смерти попадет в объятия Ирай-дети, огненноглазой супруги повелителя ада, грозного Пурнака, но юная Серасвати ни на секунду не раскаивалась в совершенном злодеянии. Пускай Африт превратит ее в нечистое животное, но ради Кашмира принцесса готова надеть мерзкое обличье скорпиона.

Пускай.

Она и так ждала чересчур долго: два невыносимых года. Чужой город, чужие люди, чужой мужчина, который назы-

вал себя ее мужем. Пусть простит ее добрый Брама, но в миг, когда черное сердце раджи Лахора остановилось, Серавати почувствовала себя счастливейшей из людей. Девушка до последнего сомневалась, хватит ли у нее сил, дабы исполнить задуманное, но, слава Шиве, повелителю огня, рука не дрогнула.

Она покарала предателя, животное, уничтожившее Кашимир, отца, друзей. Она уничтожила подлую змею в теле человека. Она все сделала правильно. Но отчего тогда не идет из головы удивленно-печальный взгляд черных, словно кожа Вишну, глаз, виноватая улыбка и рука, протягивающая ей камень?

Субрумэни умер не сразу.

Почему он не позвал на помощь?

Почему улыбался?

Почему отдал камень, с которым не расставался никогда?

И откуда это странное чувство, будто все могло быть совершенно по-другому? Чья злая воля разрушила тонкую ткань мира? Неужели во всем виновата Кали? Нет, не свирепая богиня, перед именем которой дрожат не только несмышленные дети, но и убеленные сединой старцы. Та Кали прокладывает путь ногами боевого слона, роняет капли пены с морд обезумевших коней и капли крови с кос, закрепленных на колеснице, несет гибель на кончике стрелы и в капле змеиного яда. Но в бедах своих принцесса винила не богиню,

а яркий, точно пламя, камень. Проклятый ратнарадж, которому умелая рука ювелира придала форму сердца.

Он есть кровь.

Он есть безумие.

Он есть.

Серасвати прикоснулась к камню. Она понимала, что нужно избавиться от него, и как можно скорее, но, с другой стороны, ратнарадж – ее последняя надежда... За этот камень она купит себе новый дом и новую жизнь. Внезапно тропинка ушла из-под ног, и Серасвати упала. Она пыталась зацепиться руками за жухлую траву, но сухие стебли ломались, царапая ладони, и девушка покатилась вниз. Сначала медленно, но с каждой секундой все быстрее и быстрее... А где-то на дне разлома плескалась вода...

Горы коварны.

Пигалица

Я закричала и проснулась. Руки вцепились в простыню, ноги запутались в одеяле, а потолок угрожающе раскачивался над головой.

Черт, черт, черт... Опять. Нет, я определенно схожу с ума. Или нет?

В конце концов, многим людям снятся сны.

Но не такие же! Проклятый камень, что-то мне подсказывало – так просто он от меня не отцепится. Но до чего же красив. Размером как... Ну не знаю, раза в два меньше куриного яйца, зато цвет... Утренняя заря, кремлевские звезды и человеческая кровь. Вот именно, напомнила я себе. Кровь. На нем столько крови, что хватит для небольшой войны. Усилим воли я стряхнула остатки сна.

Ух. Бывает же такое.

На часах пять утра, и сна ни в одном глазу. Зато на работу не опоздаю... Наконец сделаю все, как полагается. Сначала со Степкой погуляю, потом в душ, а завершающим аккордом английский завтрак: апельсиновый сок, хрустящие тосты с джемом и чашечка огненного кофе...

– Ну что, гулять идем? – Степка заюлил, гулять он всегда рад, жаль, что мои соседи его оптимизма не разделяют. И хотя Степку я с поводка стараюсь не спускать, но все же инциденты имели место, а сколько скандалов нам пришлось пе-

режить, пока соседи пообвыклись, даже участковый заходил. Вот ему, к слову, Степан понравился. Еще бы, когда пес не носится сломя голову по двору, а аккуратно, как и положено воспитанной собаке, лежит на коврике, то выглядит очень даже внушительно.

Пользуясь случаем, гуляли мы долго. Благо в пять утра народу во дворе немного: я да Степка. Вот уж кто оторвался на полную катушку, распугал сначала котов, потом ворон, вывалился в грязи и притащил с ближайшей помойки подарок – вонючую кость неясного происхождения. Домой мы возвращались довольные и переполненные радостной утренней энергией.

А телефон в прихожей заливался звоном.

– Да? – Интересно, кому это я в шесть утра понадобилась.

– Пигалица, ты дома?

Голос я сперва не узнала. Все-таки последний раз Хромой Дьявол звонил мне... А он мне вообще никогда не звонил.

– Дома.

– Я сейчас буду. – И отключился. Ну и как прикажете понимать?

– Я сам узнал только что. Гошка позвонил из... Короче, его задержали...

Мы сидели на кухне, точнее, сидели я и Степка, а Пыляев нервно расхаживал взад-вперед.

– Сядь и толком объясни. – После звонка и пяти минут не

прошло, как Хромой Дьявол буквально влетел в мою квартиру. Таким я его еще не видела. Я и не представляла, что сдержанный и элегантный, точно ходячий учебник по этикету, Дамиан знает столько нецензурных выражений, и подобный накал страстей заинтриговывал, а Пыляев, как нарочно, не мог внятно объяснить, что же, собственно говоря, произошло.

– Я и говорю, Геру забрали в милицию! За убийство Эллы.

– За что?

– За убийство Эллы, – уже тише повторил Пыляев. – Можно присесть?

Я только кивнула.

– Такие вот дела, Пигалица...

– Когда?

– Когда ее убили или когда его арестовали? – уточнил Дамиан.

– Все когда. По порядку.

– По порядку так по порядку. В общем...

В общем, выходило, что Пыляев знал не так уж и много: где-то в начале шестого ему позвонил Гошка и срывающимся от волнения голосом сказал, будто Лапочку убили, а его забирают в милицию. А потом связь оборвалась. Димка перезванивал, но безрезультатно, тогда он и решил посоветоваться со мной.

– Аделаида Викторовна что говорит? – Вот уж кто был специалистом на все руки, так это моя свекровь.

– Она не знает.

– Да ну?! – Каюсь, мое удивление и ехидство моменту не соответствовали. В кои-то веки дражайшая Аделаида Викторовна не в курсе событий. – Ее что, тоже посадили?

– В санатории. Лечится. – Хромой Дьявол тоже недолюбливал Гошкину мамашу.

– Нужно адвоката найти, – предложила я. – Нет. Сначала обзвонить участки, и узнать, где именно Гошку держат, а потом найти адвоката.

– Найду. Ладно, я, наверное, пойду. – Он потрепал Степку по загривку, и пес счастливо зажмурился. – Извини, что дернул. Мне больше не к кому было...

– Да ладно, Гошка мне не чужой.

– Не чужой, – подтвердил Пыляев и как-то странно на меня посмотрел.

– А мне что делать? – уже на пороге спросила я.

– Не знаю. Ничего, наверное.

– Как ничего?

– Обыкновенно. Иди на работу и работай.

– Но ты же сам сказал, что Гошка мне не чужой! Как я могу сидеть сложа руки, когда...

– Тише, тише, тише. Всему свое время. Я пока узнаю, что можно, а потом мы вместе решим, как действовать дальше. А ты проследи, чтобы паники не было, не хватало еще, чтобы и на фирме проблемы возникли.

ОХОТНИК

Больше всего на свете Сапоцкину Антону Сергеевичу хотелось спать, а Родина и начальство требовали работать. Требовало в основном начальство, но оно так часто напоминало о Родине и долге, что в голове у Сапоцкина все сильно перепуталось и частично срослось: Родина, начальство, долг, работа, убийство...

Очередное убийство. Такое впечатление, что в этом сумасшедшем городе люди только тем и занимаются, что сживают друг друга со света. На сей раз потерпевшую обнаружил муж, на крики которого сбежались соседи, они-то и вызвали милицию. Вот если бы Антон убрался домой сразу по окончании рабочего дня, дело бы спихнули на кого-нибудь другого, но черт его дернул задержаться, а тут звонок, и в результате из положенных восьми часов сна Сапоцкин использовал по назначению только три. Голова гудит, как с похмелья, но Родина требует работать, а значит, Антон Сергеевич будет работать. Для начала нормально потрясет мужа потерпевшей. Вчера этот тип произвел на Сапоцкина странное впечатление, вроде и искренне переживал мужик, даже плакал, когда группа приехала, но какие-то у него переживания больно правильные, что ли. И слезы, где надо, и стоны, и крики, кажется, того и гляди, истерика начнется, но в то же время за квартирой следит, точно боится, что при обыске попрут

что-нибудь ценное.

В общем, задержали его, благо весь пиджак в крови, руки тоже, так что формально основания имелись. Вот сейчас Антон поговорит и решит, что с этим товарищем дальше делать.

По паспорту задержанного звали Баюном Георгием Алексеевичем, и был он не мужем потерпевшей, а сожителем – все тот же паспорт утверждал, что восемь лет назад Георгий Алексеевич женился, а в прошлом году развелся. О новом браке документ умалчивал.

– Я буду жаловаться! – прямо с порога заявил Баюн. Сапоцкий же, пользуясь моментом, рассматривал подозреваемого. У Георгия Алексеевича была примечательная внешность. Шикарные усы, спортивная фигура и повадки опытного афериста. Старушка не обманула – гражданин Баюн как две капли воды походил на Лукаса из... Сапоцкий уже забыл, из какого сериала вынырнул чертов Лукас, ну да это и неважно, любопытно только, каким образом этот усатый связан с Пыляевым, серебряным «Лексусом» и убийствами. Усталость моментально испарилась, теперь Антон видел перед собой цель, ладно, пускай не цель, а начало пути. Подозреваемый, потоптавшись на пороге, сел на стул и уверенным голосом повторил:

– Я буду жаловаться!

– Жалуйтесь.

– Вы не имели никакого права! Я требую адвоката! И мне

нужно позвонить!

– Звоните. – Сапоцкин даже мобильник вернул, не по доброте душевной, а из желания посмотреть – кому этот тип жаловаться на милицейский произвол станет. Тот сначала растерялся, видимо, не ожидал, что ему позволят, но потом набрал номер и принялся орать, что его обвиняют в убийстве. Терпения Антона хватило ровно на минуту, после чего Сапоцкин просто подошел и вынул телефон из потной ладони гражданина Баюна. Гражданин растерялся и глупо заморгал глазами, а Сапоцкин, проверив мобильник, с грустью отметил знакомый номер.

– Я... – начал было Георгий Алексеевич, но Антон вынужден был перебить его:

– Давайте мы сначала побеседуем, а потом вы можете звонить, идти, требовать... Кстати, хочу предупредить заранее – мы имеем полное право задержать вас на семьдесят два часа, до выяснения, так сказать, обстоятельств дела, и лишь от вас зависит, где вы проведете это время: здесь или дома. Понятно?

– Более чем, – огрызнулся Георгий.

– Итак, начнем. Правила простые: я задаю вопрос – вы отвечаете. Правдиво, достоверно и максимально подробно. Начнем. Баюн Георгий Алексеевич?

Баюн Георгий Алексеевич кивнул, соглашаясь.

– Итак, Георгий Алексеевич, расскажите, что произошло. Будь на месте Баюна киношный Лукас, он бы порадо-

вал зрителей красивой игрой с отчаянием в глазах и скупыми, преисполненными достоинства мужскими слезами, но, к счастью, реальный Георгий Алексеевич на вопрос ответил достаточно спокойно:

– Мы поссорились, и я уехал, а когда вернулся, Элла была уже мертва. Вы думаете, это я ее?!

– Мы ничего пока не думаем, мы собираем информацию и отработываем все версии. Что послужило причиной ссоры?

– Моя жена. Бывшая. Элла очень ревновала и требовала, чтобы я уволил Машу.

– А она работала на вас?

– В моей фирме, – поправил Георгий, – «Скалли».

– Чем занимаетесь?

– Реклама. Ну, там, ручки, маечки, презентации всякие...

– И как дела идут? Хорошо? – Вопрос Сапоцин задал только для того, чтобы скрыть волнение. «Скалли». Снова «Скалли». Значит, не прав был Димка, доказывая, будто фирма ни при чем. Очень даже при чем. И убийства, и «Скалли», и «Лексус», и Баюн Георгий Алексеевич, и сам Пыляев тоже. И надо еще разобраться, зачем он врал, когда обещал говорить правду.

– Нормально.

– Значит, нормально... Хорошо, ваша подруга...

– Элла была моей невестой! – возмутился Баюн, точно сейчас уже не все равно, кем была погибшая – невестой, подругой или просто случайной знакомой.

– Значит, ваша невеста ревновала вас к бывшей супруге, требовала уволить, а вы не соглашались. Почему?

– Ну... – Георгий вздохнул. – Маша такая беспомощная, эта работа – ее единственный источник дохода, родственников у нее нет, друга... Ну вы понимаете... Такого друга, который бы позаботился о ней, тоже нет. Я чувствовал ответственность за нее.

– И давно вы в разводе?

– Почти год.

– А причина?

– Ну... Мне не хотелось бы говорить...

Сапоцкий не мог отделаться от ощущения, что ему сейчас вешают лапшу на уши. Ну, хоть убей, не походил этот усач в мятой рубашке на человека, который станет содержать бывшую жену только потому, что у нее нет денег, да еще и с невестой из-за нее ссориться. А раз содержал, значит, либо другого выхода не было, либо Антон снова думает о человеке хуже, чем тот есть на самом деле.

В данном случае развод интересовал Антона чисто с практической точки зрения: кто знает, может, это бывшая супруга от конкурентки избавилась. Сапоцкий так и сказал. А у подозреваемого глаза забегали, как у молодого шулера, который пытается сообразить, пользоваться ли меченой колодой или компания собралась неподходящая для подобных шуток.

– Понимаете... Вопрос деликатный... Маша изменила

мне, а я об этом узнал... Согласитесь, развод – единственный логичный выход в данной ситуации...

Сапоцкий охотно согласился и на всякий случай уточнил:

– А любовник ее бросил?

– Маша клялась, что это был случайный эпизод, но... Я больше не мог ей верить.

– И увольнять не стали?

– Не стал. Знаете, мне ее немного жаль, ей почти тридцать, одинокая, не слишком красивая, ни образования, ни опыта работы – кому она такая нужна. Маша родом откуда-то из Подмосковья, квартиру продала, когда в Москву переехала, а после развода оказалось, что жить ей негде.

– Но где-то же она живет.

– В квартире моей мамы, – пояснил Георгий. – У нас с Машей сохранились дружеские отношения.

– Давайте вернемся к нашему делу. Итак, вы поссорились и уехали, так?

– Так.

– И куда вы поехали?

– К Маше. Понимаете, все эти разговоры у меня вот где сидят, – Баюн полоснул рукой по горлу, демонстрируя, насколько его достали ссоры. – Я хотел предложить компромиссный вариант, один мой знакомый ищет секретаршу, я бы посоветовал ему Машку.

– Она может подтвердить?

– Да. Наверное.

Дальше беседа вошла в привычную колею. Вопрос – ответ. Вопрос – ответ. Это как стук колес, и убаюкивает так же. Сапоцкий с трудом справлялся с зевотой и желанием вышвырнуть скользкого типа из кабинета, а потом, закрыв дверь на ключ, чтобы никто не побеспокоил, покемарить часок.

Баюна пришлось отпустить, тот воспринял новость как нечто само собой разумеющееся. А еще через пятнадцать минут Антон Сергеевич имел возможность лицезреть, как гражданин Баюн садился во все тот же опостылевший серебряный «Лексус». Еще одно подтверждение, что верить нельзя никому.

Жаль.

Следует как можно скорее, пока слухи окончательно не переплелись с реальными фактами, опросить сотрудников и эту бывшую, которую благородный Георгий Алексеевич продолжает содержать, невзирая на развод и предательство, поэтому сон откладывается на неопределенное время. Какой сон, когда работать нужно.

Пигалица

Не знаю, что там насчет проблем, а слухи возникли. И не просто возникли, а росли и множились, точно тараканы за холодильником. А Запольский, временно самоустранившись от дел, закрылся в кабинете и там и сидел. Пускай. Сама разберусь. Раздав народу задания на день – странно, но никто особо не удивился очередной перемене власти, – я попросила Толика зайти. Если сплетни все равно ходят, то следовало бы узнать, кто и о чем говорит.

– А ты, мать, неплохо устроилась, как я погляжу. – По обыкновению, Бамбр был весел и доволен жизнью. – Зачем, Марья-свет-искусница, кликала? В ножки поклониться прикажешь али работою наградишь? Давай, не стесняйся. Твой конек-горбунок все вынесет, все сделает...

– Перестань! И не делай вид, будто не знаешь, что произошло.

– Не буду, – пообещал Толик и уселся на стол. – С каких это пор ты слухами интересоваться начала?

– Вот с этих самых. Вообще, откуда они узнали?!

– Ну, ты, мать, и вопросы задаешь. Откуда. Да если б ведал – обогатился бы. Интересует, что говорят?

– Интересует.

– Лады. Только, чур, не нервничать.

– А есть из-за чего?

– Сама решишь, – усмехнулся Бамбр. – Короче, Лапочку пришили, а твоего бывшего за это самое дело арестовали...

– Это я и без тебя знаю.

– Ага, всезнайка ты наша, а ведаешь ли про то, что пришили девочку аккуратно в квартире Георгия Алексеевича, да так, что он ни слухом, ни духом? Будто бы дома его не было. Версии все излагать?

– Все излагай, – приказала я.

– Ну, большинство сходится на том, что Эллочку пристукнул Гошик. Некоторые полагают, будто это ты.

– Я?

– Ты, мать, ты. И не надо смотреть на меня большими удивленными глазами. Причины были? Были.

– Какие причины? – Несмотря на данное обещание, я начала нервничать. Я убила Лапочку! Это ведь надо додуматься до такого!

– Сама посуди. Ты у нас кто? Бывшая супруга. Разошлись вы с Баюном не так чтобы мирно, и любить ты его продолжаешь, а Эллка, можно сказать, заняла твое законное место. Это первая причина.

– Есть еще и вторая?

– Есть, – довольно усмехнулся Толик. – Лапочка тебя откровенно из фирмы выживала...

– Она меня не...

– Успокойся, мать. Я ж тебе излагаю, что народ думает, а ты в крик бросаешься. Ментам свою невиновность доказы-

вать будешь, а не мне. Мне это неинтересно, я и так знаю – туфта все. Третью версию слушать будешь?

– Буду.

– Вот... Самая, на мой взгляд, интересная версия. – Толик нагнулся и зашептал: – Эллочку пришил Хромой Дьявол. Нет, я серьезно.

– А за что?

– Где-то год назад у них роман был. Он ее и на работу привозил, и с работы... увозил. Цветы, сережки, то да се. А когда Гошка с тобой развелся, девочка не растерялась и быстренько приоритеты поменяла...

– Кто там поменял приоритеты?

Мы с Бамбром отпрянули друг от друга, будто подростки, которых родители застали целующимися. Дамиан усмехнулся. Вот тебе и живой пример народной мудрости – «помяни черта, он и появится».

– Так о чем беседа? – поинтересовался Пыляев, глядя Толику в глаза.

Тот стушевался, сполз со стола и пробормотал:

– О работе... – Врет и не краснеет. Хотя нет, уши у нашего Бамбра полыхали, как маков цвет, да и сам он походил на пионера-отличника, застигнутого директором школы при добавлении к портрету вождя буденовских усов веселенького фиолетового цвета. Меня как-то раз и поймали за подобным занятием. Впрочем, неважно, выглядела я в тот момент не лучше Толика. Да и чувствовала себя соответственно.

– О работе, – подтвердила я. – Все, Алексин, свободен.

Бамбр, воспользовавшись подсказкой, моментально испарился.

– Значит, о работе разговаривали? – еще раз уточнил Пыляев.

– Ну, не совсем, – призналась я. – Что с Гошиком?

– Отпустили. Подписку взяли и отпустили.

– Где он сейчас?

– Дома. У меня дома, – уточнил Дамиан. – Отдыхает. Вечером – общий сбор, будем решать.

– Что решать?

– Все, Пигалица. Все. В общем, я зашел предупредить – в семь у меня. Понятно?

– Куда уж понятнее. А ты куда?

– Да так. Дела. Держись, Пигалица! Прорвемся! – Пыляев повернулся, чтобы уйти, когда я, неожиданно для самой себя, выпалила:

– У тебя был роман с Эллой?

Он обернулся. Черт, ну кто меня за язык дергал?

– Выходит, доложили?

– Доложили, но... Толик ни при чем. Я сама просила. Тут все только о Лапочке и говорят. Я думала, что... Они думают, что...

– Не оправдывайся, Пигалица, – поморщился Дамиан, – тебе не идет. Был роман. Признаюсь как на духу. Не убивал я ее, если ты об этом хотела спросить.

– А...

– Бэ. Остальное сегодня в семь. Ясно?

Я кивнула. В семь так в семь.

Мамочка

Всю свою сознательную жизнь Георгий Алексеевич Баюн любил лишь двух человек – себя и маменьку, суровую к посторонним и бесконечно нежную к единственному ребенку Аделаиду Викторовну Баюн. Именно в такой последовательности, ибо собственным благополучием и душевным спокойствием Георгий не пожертвовал бы даже ради маменьки, правда, та не требовала никаких жертв, наоборот, Аделаида сама готова была сделать все возможное, только бы милый Жорж продолжал радоваться жизни. Еще в роддоме, когда страдающая ожирением, одышкой и скверным характером медсестра сунула в руки Адочки पिщащий сверток, девушка вдруг поняла – отныне в ее жизни появилась ЦЕЛЬ. По-настоящему великая и благородная. С той самой волшебной минуты мир перевернулся, даже муж, прыщавый студент, за которого Аделаида и замуж-то вышла только ради московской прописки, перестал раздражать. Как-никак в чудесном существе, что так сладко спало на ее руках, была и его кровь.

Главное же – чувство превосходства над всем миром. У нее СЫН. Красивый голубоглазый мальчик, пускай медсестра пыхтит, что младенец тщедушный, пускай другие мамочки, заглядывая в коляску, морщатся, дескать, на гномика похож, пускай воспитательница жалуется, что Гоша хулиганит, а учителя ставят тройки, пускай... Они завидуют, убежда-

ла себя Аделаида. Ее мальчик – чудо, просто общество не способно оценить всю глубину его таланта. Да и где, скажите, этот талант мог открыться? В садике, в котором на одну воспитательницу приходится тридцать дармоедов, требующих внимания, или в школе, где строгие рамки дисциплины ранили нежную душу мальчика? Аделаида Викторовна готова была защищать ребенка ото всех: и от воспитателей, и от учителей, и от мужа, пытавшегося говорить с наследником «по-мужски». Алексей совершенно не принимал во внимание слабое здоровье ребенка, он словно не видел, что после обливания холодной водой Жорж слег с ангиной, зимняя рыбалка обернулась воспалением легких, футбол – вывихом ноги, а дурацкая затея с тяжелой атлетикой закончилась переломом руки.

После перелома Аделаида Викторовна решительно вмешалась в непростые отношения сына с отцом, запретив последнему приближаться к ребенку. Алексей плюнул и, забрав свои вещи из квартиры, съехал к молоденькой любовнице. Ада не слишком огорчилась, главное, Жорж остался при ней, да и Лешка, несмотря на пассию и грядущий развод, продолжал снабжать семью деньгами.

Так Георгий и рос, окруженный плотным коконом материнской любви и заботы. И ни разу, ни разу за тридцать восемь лет Аделаида Викторовна не разочаровалась в милом мальчишке. Хотя нет, пожалуй, один раз она близка была к разочарованию, когда Жорж, ее тонкий, нежный Жорж при-

ташил домой ТУ девицу, заявив, что Маша – его жена и будет жить с ними! В принципе Адочка понимала неизбежность женитьбы – Георгий взрослый и самостоятельный, а каждый мужчина рано или поздно вступает в брак. Но она надеялась, что и в данном случае Жорж прислушается к мудрому совету матери. Более того, Аделаида Викторовна подобрала ему достойную супругу, очень милую девушку из хорошей семьи, образованную и робкую. А эта... Кошмар. Из педучилища, даже не москвичка, так, откуда-то из пригорода, ни внешности, ни образования, одни амбиции. Как же Аделаида Викторовна обрадовалась, когда Жорж развелся с нахалкой. Даже уступила старую квартиру: для счастья единственного сына ничего не жалко, тем более что Георгий обещал: после его свадьбы с Эллой квартира освободится.

И вот Эллу убили! Какой пассаж!

ОХОТНИК

Начать знакомство с фирмой Антон Сергеевич решил с Пыляева – просто позвонил и потребовал явиться, на сей раз не в кафе, где игра шла бы на равных, а в родной, до последнего гвоздя знакомый кабинет. Пыляев явился, даже возражать не стал, наверное, уже успел привязать смерть Есениной к трем предыдущим.

– Добрый день, – заявил Димка с порога. Интересно, успел он в офис заглянуть или только приятеля домой отвез? – Вот, значит, где ты обосновался. Ничего.

Ничего хорошего, хотел было ответить Сапоцкин – ему ли не знать, что кабинет маленький и захламленный, и ремонт в нем со времен постройки здания не проводили, – но вслух вежливо поздоровался:

– Добрый. Садись.

– Допрашивать будешь?

– Буду. С Есениной...

– Знаком. – Димка даже фразу закончить не дал. – Невеста Геры.

– Кого?

– Георгия. Ты его всю ночь промурыжил.

– Ничего, переживет. Расскажи мне про него.

Нахмурившись, Димка выдал стандартный набор: хороший парень, работает, невесту любил, убить не мог, потому

как хороший парень.

– Хороший, – прервал тираду Антон, – работает, невесту любит, жену бывшую содержит...

– А она тут каким боком?

– Знаком?

– Знаком.

– И как?

– Зачем тебе? Она точно к убийству отношения не имеет!

Да ты что, серьезно решил, будто Машка? Да она муху пальцем не тронет!

Антон не стал уточнять, сколько в его практике встречалось таких вот дамочек, которые весьма трепетно относились к мухам, но с завидным хладнокровием устраняли людей. Обязательно нужно будет с этой Машей побеседовать.

– А теперь, Димка, ответь мне на такой простой вопрос: какого хрена ты мне лапшу на уши вешал, что не знаешь, кто машину брал? Думаешь, не опознают твоего дружка? Да завтра же десяток свидетелей найдется, и сядет он! – Антон даже кулаком по столу шандарахнул от переизбытка чувств. Больно, черт побери!

– Понимаешь... Слушай, Антоха, сделай мне чаю, а то история долгая и жрать хочется...

– Что, снова сказки сочинять будешь?

– Нет. На этот раз нет. Я ведь тогда думал, что Гера случайно в историю попал, ну, знал, что он ни при чем, втягивать не хотел, а оно вон как вышло...

– Чаю нету. Кофе будешь? Растворимый.

– Давай. Короче, Гера – он такой человек... Он Эллу любил, но... Ему мало одной женщины, понимаешь? А Инга – временное увлечение.

– И много у него таких «временных увлечений»?

– Не знаю. Нет, Антоха, на сей раз без шуток – не знаю. Он просто иногда машину брал, чтобы Элла... Ну, ты понимаешь?

– Понимаю. Значит, с бывшей женой дружил, невесту любил, а с Красиной просто спал? А невеста ни сном ни духом, так?

– Так. Но он не убийца, Антон, я хорошо знаю Геру, это не он...

– Угу. Не он, – согласился Сапоцкий. Гера – хороший парень. Ерунда, что малость любвеобильный, с кем не бывает. Растворимый кофе имел отвратительный кислый вкус и еще более отвратительный запах, но как нельзя лучше подходил к Димкиному рассказу о хорошем парне Георгии.

Пигалица

Ближе к обеду объявилась и милиция в лице длинного, точно шпала, капитана с болезненно сильным голосом и лицом запойного алкоголика. Мятая рубашка, не слишком чистые джинсы и вызывающе черная щетина на подбородке лишь усугубляли неприятное впечатление. В миру Шпала звалась Антоном Сергеевичем Сапоцкиным.

Капитан нагло оккупировал Гошиков кабинет и начал «сбор информации» – это он сам так выразился. Весь процесс заключался в том, что сотрудников поочередно приглашали «на беседу». Действие происходило медленно и почти торжественно. На всякий случай я временно переместилась в общий зал, оттуда наблюдать удобнее.

Вон, Херувима отпустили, и пяти минут не прошло. Ну, с ним все понятно, видать, сказал, что ничего не знает, веда-ть не ведает и вообще работает в фирме две недели. Валечку, Олечку и Людочку тоже отправили быстро, зато Светлана проторчала в кабинете почти час. Ну, нашел язык благодарные уши. Эх, узнать бы, что она ему наплела. Хотя... Ясно что: Элла – умница, красавица и хозяйка, а я ей завидовала и палки в колеса ставила, а теперь вот и убила. Интересно, а о своих махинациях с бухгалтерией она поведает? Вряд ли.

Ага, Светочка вышла, кивнула Бамбру, потом посмотрела на меня. Улыбнулась. С чего бы это? Ох, мамочки, кажет-

ся, несмотря на все усилия, я начинаю нервничать. А что, если... Вдруг он возьмет да поверит? Я не хочу в тюрьму! Я ничего не делала и никого не убивала!

Следующие полчаса я пыталась унять нервную дрожь. Тщетно. Вот дверь открывается. Толик выходит, хмурится, трет переносицу – значит, чем-то недоволен. Оглянулся, увидел меня, махнул рукой. Я в ответ кивнула. Вот и все, Маша, сейчас как возьмет ясен сокол тебя, девицу-красавицу, да под белы ручки и уволочет в казематы глубокие, сырые и страшные, и будешь ты там сидеть веки вечные, за чужое злодеяние отвечая. Тьфу-ты, в голове вились дурацкие мысли, все как одна в приторном псевдосказочном стиле.

– Пигалица Мария Петровна? – Шпала облюбовал местечко за директорским столом. Картинка получилась забавная: солидное кожаное кресло, подавляющее искусственным гляncем и размерами, необъятный стол, современный ноутбук, серебряная чернильница «под Челлини» и щетинистая морда Шпалы над всем этим великолепием. Увиденное поразило меня до глубины души, только так можно объяснить, что вместо стандартного «да» я выпалила:

– Аз. Есмь.

– Все шутите... – Шпала укоризненно покачал головой.

– Нет.

– Вы, Мария Петровна, присаживайтесь, – почти дружелюбно пробормотал капитан. – Разговор у нас будет дол-

гий...

– Насколько долгий?

– А вы куда-то спешите?

Нет, ну ему что, мама не объясняла – отвечать вопросом на вопрос в приличном обществе не принято. Я села в мягкое Лапочкино креслице, которое Шпала придвинул к столу. Элла обожала все современное и удобное, и это дурацкое кресло выбирала недели три, сначала модель, потом от-тенок... Я вдруг отчетливо поняла: никогда больше ее не увижу, не буду злиться на дурацкие замечания, морщиться, заслышав визгливый голосок, томные вздохи и глупые стихи, которые и стихами-то назвать язык не поворачивался. Нету больше Лапочки.

Бедная глупая девочка. Мы с ней не слишком ладили, но смерти я ей не желала, как не желала и неприятностей самой себе.

– Пигалица Мария Петровна? – повторил свой вопрос Шпала.

– Да.

– Вам знакома эта женщина? – Он показал мне фотографию. Лапочка. Хорошенькая, если не сказать больше. Стройная, загорелая, белокурые локоны разметались по плечам, глаза сияют. Она улыбается и машет кому-то рукой, наверное, фотографу.

Гошику. Это он ее снимал. Где-нибудь на юге. Солнце, море, горячий песок и соленые брызги щекочат кожу... Я все-

го-то раз и была на море, в медовый месяц, две самые чудесные недели в моей жизни, но то мое море не имеет никакого отношения к этой фотографии.

– Знаю. Это Элла. Есенина.

– Расскажите о ней.

– Что именно вас интересует?

– Все, – буркнул Шпала.

Все, так все.

Лапочка появилась на фирме около двух лет назад. Может, чуть больше. Дела шли хорошо, «Скалли» заняла свое место под солнцем, клиентов хватало, работы, соответственно, тоже, вот мы и решили, что столь солидной фирме, как наша, жизненно необходима секретарша. Дали объявление, провели конкурс, выбрали Эллу. Девочка каким-то непостижимым образом сумела понравиться всем. Не красавица – это мне так казалось, – но достаточно милостива, чтобы на нее приятно было смотреть. Сообразительна, вежлива, но умеет проявить и твердость. Прибавьте организованность, которой нашей троице явно не хватало, знание двух языков, и еще какие-то важные, но неведомые мне секретарские умения. Короче, Есенина осталась.

Не буду врать, что, когда Лапочка работала на фирме секретаршей, она меня раздражала. Нет, напротив, мы даже приятельствовали. Ну, там, совместный обед, чашка кофе, перекур, ни к чему не обязывающая женская болтовня, это уже после развода я превратилась для нее в Марию Петров-

ну. А быстро она Гошика окрутила, после нашего расставания и месяца не прошло, как он надел колечко на тоненький Лапочкин пальчик. Еще через месяц сделал своим замом. В июне и свадьба планировалась.

Не будет теперь свадьбы.

Ничего не будет.

Бедный Гошик, как ему, наверное, тяжело.

– Значит, – подвел итог Шпала, – она заняла ваше место?

– Можно сказать и так.

– Вы не протестовали?

– А как вы себе это представляете? Мы с Георгием в разводе, он волен распоряжаться своей судьбой. Хотел жениться на Лапочке, ну и...

– На ком?

– Ой, простите, оговорилась.

– Как вы ее назвали? – повторил вопрос капитан Сапоцкин.

– Лапочка. Прозвище.

– И кто же этак припечатал?

Я вздохнула: придется признаваться.

– Я. Понимаете, привычка у меня такая. Имя редко отражает суть человека.

– Согласен, – неожиданно улыбнулся Шпала. – Если погоняло клиенту подходит, тогда на всю жизнь. Это тебе не паспорт, который поменять можно. Лапочка, говорите... А почему Лапочка?

– Ну... Она вся такая пушистая, ласковая, нежная. Лапочка, одним словом.

– Понятненько. Давайте к вашему разводу вернемся. Сколько вы вместе прожили?

– Семь лет. – Семь долгих лет: смех, слезы, обиды, ссоры и радость примирения, вечно недовольное лицо Аделаиды Викторовны и родное Гошкино нытье. Вялая грызня с Димкой. Незапланированная беременность и вынужденный аборт. Гошик считал, что нам рано думать о детях, он боялся бессонных ночей, пеленок, погремушек и смешных младенческих пузырей, он боялся ответственности. Я редела и уговаривала. Я не хотела к врачу и клялась, что появление ребенка никак не скажется на моих чувствах к Гошке. И единственный раз Аделаида Викторовна была на моей стороне.

Гошик согласился.

Поддался.

Даже нашел мне доктора, лучшего в городе, – мой муж всегда выбирал все самое лучшее. Две недели я была счастлива. Пока не заболела краснухой – ерундовая детская болячка и приговор для беременной женщины. Был аборт: невыносимо стерильная комната, печальный врач, от которого пахло сигаретами, дорогой туалетной водой и лекарствами, медсестра, укол – и тупое небытие. А когда я очнулась, все уже было кончено. «Бывает, милочка. Печально, конечно, но случается. У вас будут еще дети, я вам гарантирую». Профессор не сдержал своего слова, на третий день началось

кровотечение.

Опять та же комната, еще более светлая и стерильная, тот же врач, медсестра, койка, лихорадка, когда я не понимала, где нахожусь и что со мной, и Хромой Дьявол, орущий на врача. Тот оправдывался и махал руками, а я не понимала слов. Я выздоровела только для того, чтобы услышать новый приговор: детей не будет.

Никогда.

Лучше бы я умерла.

Но Гошка был рядом. Мой милый, добрый и такой беспомощный муж. Он уверял, что любит меня и никогда не бросит, а еще через месяц я предала его. Но, знаю точно, никто не расскажет Шпале об истинной причине развода: ни я, ни Георгий, ни Хромой Дьявол.

– Что ж вы молчите, Мария Петровна? – Шпала в очередной раз нарушил ход моих мыслей. – Сидите и молчите. Скажите хоть что-нибудь.

– Что, например?

– Ну, например, вернемся к разводу. Жили, жили, а потом взяли да развелись. Отчего?

– Характерами не сошлись, – повторила я стандартную формулировку, только капитан Сапоцкий мне не поверил, ни на минуту.

– Характерами, Мария Петровна, дети не сходятся, которые в загс бегут, едва восемнадцать стукнет. Поживут месяц-другой отдельно, в самостоятельность поиграют, а при

появлении первых проблем разбегаются по углам, под теплое родительское крылышко. Вот они-то характерами не сходятся. А вы?

– Но ведь бывает же...

– Бывает. Но что-то мне подсказывает, не ваш это случай.

Темнить изволите, Мария Петровна.

Кажется, я покраснела.

– Вы же взрослый человек, понимать должны, что убийство произошло. Уголовно наказуемое преступление.

– А это точно не несчастный случай? – робко поинтересовалась я, все-таки слухи – вещь ненадежная.

– Куда уж точнее. Знаете старый анекдот про то, как один товарищ споткнулся и нечаянно на нож упал? Двадцать три раза? Так вот, у нас примерно то же. Ну так что, будем говорить?

– Будем. – И, вдохнув поглубже, я выдала версию про аборт. Наш развод к делу отношения не имеет, но Шпала ведь не поверит, начнет копать, а Гошке нервничать нельзя, у него сердце слабое, пусть уж лучше меня дергают.

– Вот оно как вышло, – пробормотал Шпала, отводя взгляд. Понятно, жалеет. И гадать не надо, о чем думает: сидит перед ним женщина, обычная женщина, в меру красивая, молодая еще, а уже инвалид, только изнутри. И с разводом ясно – какому мужику бесплодная жена нужна. – Извините.

– Да ладно. Я привыкла. – Ложь. К этому невозможно

привыкнуть. Пустота внутри не рассасывается, не исчезает, а захватывает все больше места. Мы с ней срослись, сжились друг с другом, но не привыкли.

– А скажите, Мария Петровна, – капитан решил зайти с другой стороны, – были ли у вас в последнее время конфликты с гражданкой Есениной? – И взгляд хитрый. Точно, донесла Светочка, выложила последние сплетни, как на духу, и про опоздания мои, и про смещение с должности, и про Запольского, который придирается по любому поводу. Хорошо, признаюсь, раз уж наши с Лапочкой отношения в секрет Полишинеля превратились. Слушал он мои откровения, как дети сказку на ночь, а меня не отпускало чувство, что я себе языком такую яму копаю, из которой без посторонней помощи и не выберусь.

– То есть, – уточнил Шпала, – гражданка Есенина вас недолюбливала.

– Недолюбливала. Обычная история: я бывшая жена, она будущая. Она просто боялась, что Гошик, то есть Георгий, может вернуться ко мне. Так бывает.

– Бывает. – В кабинете повисла напряженная тишина, мент разглядывал Гошикову чернильницу, а я собственные ногти – лак облез, нужно маникюр сделать, но некогда.

– Ладно, Мария Петровна, – тяжело вздохнул Шпала, вот уж кому плевать на внешность. Сразу видно – рабочая лошадка. – Ответите на последний вопрос и свободны.

– Задавайте!

– Что вы делали вчера с восьми до девяти вечера? Не пугайтесь, – поспешил успокоить Антон Сергеевич, – это стандартный вопрос, все на него отвечали. Просто вспомните и скажите.

Что я делала? С ходу и не вспомнишь. Так, с работы я сбежала около половины седьмого. Или семь уже было? Трудиться заканчиваем в шесть. Но Херувим подкинул мне работу, пришлось задержаться. С папками я возилась около получаса, потом говорила с Пыляевым, который посоветовал мне ехать домой. Значит, все-таки семь. Час на дорогу – пришлось заехать в магазин, ведь в доме ни крошки. Дальше поставила сумки с продуктами, взяла Степку, и около часа мы гуляли.

– Кто-нибудь может подтвердить?

А говорил, что вопрос последний, вот и верь после этого людям.

– Степан. Но, боюсь, он ничего вам не скажет.

– Почему? – удивился Шпала. – Он что, немой?

– Он – собака. Моя собака. Полная кличка Улисс-Вальдар Стефансен, но я его Степкой называю. Привыкла.

Шпала поморщился. Зуб даю, единственное живое существо в его квартире – это старый больной кактус с желтыми колючками и толстенным слоем пыли на мясистом зеленом теле. Капитан Сапоцкий изредка поливает растение, а когда под рукой не оказывается пепельницы, стряхивает в вазон пепел. Или окурки тушит. Кактус морщится, растопыривает

колючки, но терпит.

– Вы, Мария Петровна, подумайте, вспомните, может, вас видел кто. Ну, соседи там, или из знакомых кого встретили?

Встретила! Точно, встретила! Валентину Степановну с первого этажа, мы еще поцапались. В принципе, в нашем доме, наверное, не осталось ни одного человека, с которым бы Валентина Степановна не разругалась. А вчера, когда я, понадеявшись на Степкино благоразумие, сняла намордник, он словно нарочно под ноги Валентине Степановне бросился. Та разоралась, огрела собаку сумкой и начала меня жизни учить. Это около половины девятого было.

Одно радует, встречу Валентина Степановна долго не забудет. А уж милиции про чинимые мною непотребства расскажет с превеликим удовольствием.

– А больше никого не видели?

– Никого.

– Вы уверены?

Да, черт побери, я уверена, никого из знакомых я в тот вечер больше не видела. На лавочке курили трое подростков. Серая «Вольво», неуклюже пятясь задом, выезжала со стоянки. Хмурый мужик с огромным пакетом целеустремленно топал по лужам. Черный кот забрался на старую липу и гневно зыркал желтыми глазищами на Степана. Вот и все.

– Тогда больше вопросов нет.

– Можно идти?

– Идите, идите. До свидания, Мария Петровна.

– Надеюсь, больше не свидимся.
Шпала снова улыбнулся.

ОХОТНИК

Несмотря на все Димкины заверения, что на этот раз он рассказал всю правду, у Антона сложилось впечатление, будто его целенаправленно водят за нос, непонятно только ради чего. Есть ли смысл врать, когда и без слов понятно, что Пыляев дружка своего усатого выгораживает, – Сапоцкий припомнил этого Георгия. Тот с Димкой и в универе корешился, а то и раньше. В универе, правда, Георгий редко показывался – то ли факультет у него другой был, то ли даже университет, тогда Антона больше интересовала его собственная студенческая жизнь, чем чьи-то друзья-знакомые. А вон оно как вышло.

После разговора с Пыляевым, на доверии к которому Сапоцкий поставил жирный крест, Антон прямым ходом направился на фирму. А ничего, ему даже понравилось – офис деловой, все бегают, суется, правда, суэта эта не рабочая – народ сплетнями обменивается, версии строит, и задача Сапоцкого все эти версии-сплетни выслушать.

Пигалицу он специально напоследок оставил, пускай посидит, понервничает. К удивлению Антона, сотрудников оказалось не так много, и сплетнями они делились с удовольствием, особенно одна дамочка, упакованная в строгий серый костюм. Дамочка почти с наслаждением рассказывала прекрасную историю о любви между директором фирмы и

юной невинной девочкой, о стерве-жене, которая долго не желала отпускать мужа, а потом вдруг все-таки отпустила, но затаила злобу и всячески отравляла Эллочке жизнь. О том, что жену на фирме держали из милости – как специалист она полный ноль, но это не мешает ей ставить палки в колеса «людям с образованием». Светлана так сказала про это «образование», что Сапоцкин сразу понял – никакого образования у Пигалицы нету, и этот факт указывает на неполноценность оной гражданки.

Честно говоря, Антон ожидал увидеть этакую холеную, уверенную в себе стервозину, похожую на его собственную бывшую, которая пару лет назад осчастливила Сапоцкина разводом. Правда, бывшая, уходя, забрала из квартиры даже кружки и новую бритву Антона, но все равно он радовался обретенной свободе. А гражданка Пигалица на бывшую не походила ну ни капельки. Она вся была какая-то мягкая и уютная, робко улыбалась и следила за каждым его движением, точно опасаясь, что Антон сейчас разорется или, пуще того, ударит. Глупость какая, Сапоцкин в жизни на женщину руку не поднимет. Даже на бывшую супругу, которая регулярно, умело и с садистским удовольствием доводила его до состояния плохо контролируемого бешенства.

Пигалица Мария Петровна сидела на краешке стула, спина прямая, руки на коленях – ни дать ни взять примерная ученица. Пожалуй, Димка прав – такая и муху не обидит.

Димка, Димка, снова Димка. Верить или не верить? И кто

из троих рассказал правду о разводе? Усатый псевдо-Лукас, Пыляев, который прежде, чем рот раскрыть, вытянул клятву, что история эта ни в какие бумаги не попадет, потому как отношения к делу не имеет, или эта русоволосая женщина с наивными глазами и собакой по кличке Степан.

Врут двое. Или трое.

Причем одного Сапоцкин уже вычислил. Не заезжал вчера Георгий Алексеевич в гости к бывшей супруге. Тогда вопрос – где он был?

И зачем лгал?

—Эй, Танг, что там?

– Какой-то парень свалился вон оттуда. – Танг-Карна махнул рукой на каменную стену. Где-то вверху светило солнце, и вершины гор казались голубовато-синими, точно сгустившееся небо, но здесь, на дне ущелья, камень был родного серовато-бурого цвета, холодный, тяжелый и скользкий. Лишь козам, без опаски ступающим по узким тропинкам, да птицам просторно в горах, а человеку здесь не место. Даже овцы и те чувствовали себя спокойнее, чем пастух.

—Жив?

Танг покачал головой. Воистину нужно быть любимцем всех богов, чтобы остаться в живых, свалившись с такой высоты.

—Ну, тогда пойдём. Нечего с ним возиться.

—Нехорошо бросать тело без погребения.

—Да ну тебя. Работы, что ли, мало.

Но Танг-Карна уже перевернул тело.

—Али, иди сюда!

—Чего?

—Это не парень!

—Чего?

—Не парень это, говорю!

—Да ты что? – Али осторожно съехал по насыпи. Надо же, девчонка, и прехорошенькая. Была прехорошенькой, поправил сам себя пастух.

—Ты что, сразу не понял, что это девка? Вон какие волосы.

Напарник не ответил. Эх, ну разве это жизнь для славного разбойника – в горах овец пасти? Кому сказать – засмеют. А ведь пару лет назад не было караванщика, который бы не знал имени Али Проклятого. Сам Али предпочитал, чтобы его величали Львом Пустыни. Но минули дни былой славы, словно их и не было. Где теперь серебряный ятаган да верный конь, добытый в первом бою, неизменный товарищ, не раз спасавший разбойничью шкуру от преследователей. В конюшнях султана тысячи лошадей, но ни одна не сравнилась бы с Каюром. Знать бы, чья же рука поднесла ему отраву, знать бы, в чьем сердце взошли горькие ростки измены, кто указал грязным псам султана путь к тихому оазису. Чудом избежал расправы Али, чудом скрылся, чудом

выжил в пустыне, чудом обвел вокруг пальца проклятых за-
птивцев¹¹. И вот теперь великий воин пасет в горах тупых овец
на пару с не менее тупым напарником.

И девка эта непонятная. Откуда она только взялась?
Танг склонился над телом, бормочет чего-то. Вот уж точно
дикая страна, дикие люди, и боги у них тоже дикие. Али
однажды заглянул в местный храм, так чуть не умер со
страху, такое чудище там стояло: человек – не человек,
зверь – не зверь, так, не пойми что. И молятся странно,
лоб краской мажут, цветы какие-то на алтарь кладут, и
лежат цветочки целый год, высохнут, гнить начнут, запах
в храме ужасный, но нет, не убирают служители приноше-
ние, ждут, пока снова зацветет священный лотос.

– Обыскать надо, – заметил Али. Танг замотал головой.
Эх, послал же Аллах напарника, ни поговорить, ни подвига-
ми былыми похвалиться – не поймет индус проклятый или,
паче того, донесет куда надо. И закончится тогда вольная
жизнь Льва Пустыни на плахе у местного султана. Раджи.
Местный султан правильно называется «раджа».

—А я тебе говорю – надо. Неспроста эта девка в горы
поперлась.

Танг задумался. На лице написано, не нравится ему идея,
но и перечить не смеет, Али сильнее.

– Не хочешь ты, давай я. – Бывший разбойник ловко от-
тер напарника от тела. Девка. И хорошенькая была, круг-

---

¹¹ Стража.

ленькая, ладненькая, волосы что твой шелк, густые, мягкие, и личико соответствует. Даром что мертвая да чумазая. Али мокрой тряпочкой вытер грязь с лица, зачем, и сам не знал. Захотелось.

И не пожалел. Подобной красоте в серале место, а не в горном ущелье, и чтобы вокруг птички певчие в золоченых клетках, масла душистые, ткани легчайшие, украшенья золотые, а не жесткий камень да ледяная вода горной реки.

— Видать, плохо ты своим богам молилась, девонька, не те цветы на алтарь клала, не теми колокольчиками звенела, раз лежишь здесь.

Танг-Карна сопел рядом, а Лев Пустыни не мог отвести взгляд от мертвого лица. Ему все казалось, что еще немного, и холодные веки дрогнут, глаза откроются, и девушка улыбнется. Интересно, какие у нее глаза? Голубые, точно вода в здешних озерах, или зеленые, будто цейлонские изумруды? Нет, такие встречаются лишь у северянок с бледной кожей и желтыми волосами. У мертвой красавицы глаза черные, подобно бездонной бархатной ночи, крылья которой несут покой и прохладу...

— Похоронить нужно, — напомнил напарник. Али встрепенулся. Шайтан! Что это с ним? Поплыл, точно сопливый юнец. Не бывать такому! Ни одна баба, ни живая, ни мертвая, не будет вертеть Али Проклятым!

А не простая, видать, девчонка, демоны в ней сидят, ищут новое тело, душу свежую, вот и ворожат. Прав Танг-

Карна – хоронить надо, и быстрее, пока бесы из мертвого тела в живое не перебрались. Но Али не стал бы великим разбойником, если бы не умел задуманное до конца доводить. Отвернувшись, чтобы не видеть лица, разбойник обыскал тело.

—Что-то есть!

Танг отвернулся, чтобы не видеть, как напарник грабит мертвую. Брама накажет нечестивца, так пусть мудрейший видит, что Танг-Карна не одобряет поступков Али. Но удивленный полувздых-полухрип заставил индуса обернуться.

Али стоял на коленях, а рядом на огромном, вылизанном водой и временем камне, сияло НЕЧТО.

—Ты... Ты видишь? – просипел разбойник. Танг кивнул. Брама Милосерднейший, неужели подобное и в самом деле возможно?

Пигалица

– Машка, Машка, ты чего? – кто-то тряс меня за плечо. Я открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд. Так, кажется, Гошка. Гошка? Где я? Потолок над головой совершенно незнакомый, чужой потолок. И трещина в побелке тоже чужая, как и люстра. Ах, вот почему свет так глаза режет.

– Машка, ты что, задремала?

Похоже на то. Задремала, сама не знаю как, зато снова видела сон. И камень видела, злое красное сердечко.

– Ты нас напугала, Машка. Как заорешь: «Нет! Не надо! Не трогайте ее!» Еще звала кого-то. Имя не наше. Кали. Я ее знаю? – Пока Гошик засыпал вопросами, я попыталась восстановить последовательность событий.

В семь, как и договаривались, я приехала к Пыляеву и уткнулась носом в запертую дверь. Записка – слава богу, они хоть до этого додумались – информировала, где лежат ключи, а еще меня очень просили подождать, что я и сделала. Только в процессе ожидания, кажется, задремала. Ну, правильно, я ж сегодня вскочила ни свет ни заря.

Из-за сна, между прочим.

– Кто такая Кали? – повторил вопрос Гошик. Узнаю муженька, который на дух не переносит незапланированных контактов и подруг, ему незнакомых.

– Индийская богиня, – вместо меня ответил Дамиан. –

Кстати, вредная тетка, отвечает за всякие пакости вроде войн, болезней, землетрясений, наводнений и так далее, по списку. Умилостивить сию госпожу может лишь человеческая жертва. Ясно?

– Ясно, – кивнул Гошик и поморщился, не любит он, когда кто-то своей образованностью хвалится. – Богиня, значит.

– Ратнарадж. – Незнакомое слово само вырвалось на свободу.

– Что?

Пришлось объяснять.

– Большой красный камень, кажется, рубин. Я не очень в этом понимаю. Ратнарадж. – Почему-то я смотрела на Хромого Дьявола, а он на меня, такое чувство, будто тебя рентгеном просвечивают, аж руки задрожали.

– Рубин, – подтвердил Пыляев и наконец отвел взгляд. – Откуда ты знаешь? Читала?

– Во сне видела.

– Бабские глупости, – раздраженно заметил Гошик. – Давайте лучше делом займемся, а то и в самом деле спать хочется.

– Кофе попей, – предложил Пыляев. Гошка недовольно скривился.

– А я бы попила, в голове такой туман...

– Конечно, туман. Мы бегаем, суетимся, а она дрыхнет без задних ног. Демка, сделай ей кофе, а то я Машку знаю, пока своего не добьется, разговаривать с ней бесполезно. А

мне пожевать чего-нибудь, хорошо? – Вот это активность. Я уже и отвыкнуть успела от этого командного тона, судя по выражению лица, Хромой Дьявол тоже.

Команды командами, но спустя пять минут мы сидели на кухне, пили кофе и бывший вводил меня в курс дела. Следует заметить, получалось у него неплохо, в меру эмоционально, в меру толково. Ну да, не в первый же раз излагает.

Насколько я поняла, события происходили примерно так: Гошик и Лапочка поссорились. Из-за меня. Лапочка жаждала избавиться от бывшей супруги, которая имела наглость каждый божий день маячить перед глазами, и требовала моего немедленного увольнения. Гошка, ясное дело, протестовал. В общем, слово за слово, и обычная ссора переросла в скандал с криком, битьем посуды и взаимными обвинениями. Бедная Элла еще не поняла – моего бывшего с его гипертрофированным самолюбием нельзя ни в чем обвинять. Он моментально вспомнил, что я за все годы брака никогда так с ним не поступала, для Лапочки же сие заявление послужило последней каплей, и она выгнала несчастного Гошика на улицу.

Вот это женщина! Восхищаюсь! Выгнать человека из собственной квартиры! И какого человека! Гошку, которого не удавалось переспорить даже Пыляеву, что уж говорить обо мне.

– Ну а дальше?

– Я поехал к тебе и сидел у тебя до двенадцати, – спокойно

заявил Баюн. И у меня кофе поперек горла встал.

– Это не так!

– Так.

– Это же неправда!

– Ну, Маша, ну что ты в самом-то деле. Сложно сказать, что я у тебя был? Да?

– Пигалица, – Пыляев решил поддержать друга, – дело серьезное. Алиби у него нет, и, если ты не поможешь, его посадят. Ты этого хочешь?

– Я? Нет. Не хочу. Только поздно вы, мальчики, спохватились.

– В смысле, поздно?

– А без смысла. Сегодня в офис приходили. Из милиции. Капитан, высокий такой, худой, фамилию не запомнила. Он всех опрашивал, ну и меня в том числе.

– Дай догадаюсь. Ты ему сказала, что я к тебе не заезжал?! Ты была одна и понятия не имеешь, где я шлялся! Так?!

Я судорожно кивнула, но Гошику хватило и этого.

– Ты что, Машка, с ума сошла?!

– Гоша, я же...

– Ты специально! Решила отомстить, да?!

– Гоша, я же не знала, что ты сказал, будто был у меня...

– А подумать, чуть-чуть подумать, когда мент вопрос задал, нельзя было? Мозгов не хватило? Совсем дурой стала?

– Гера, прекрати. Она в самом деле не знала. Я, кстати, тоже. Если ты хотел... – Пыляев замолчал, подбирая слова. –

Мог бы мне сказать или Машке. Например, по телефону. Сам виноват, и нечего с больной головы на здоровую перекладывать.

Гошик надулся:

– И что мне теперь делать?

– Правду сказать.

– А алиби?

– Придумаем что-нибудь. Только ты, если уж врать начинаешь, предупреждай заранее, во избежание глупых ситуаций. Но не думаю, что тебя кто-нибудь тронет.

– Это еще почему?

– По кочану. Тут, если я хоть что-то понимаю, все гораздо сложнее, чем кажется. На сегодняшний день имеем четыре жертвы...

– Сколько? – Я, когда услышала, едва со стула не свалилась. Четыре? Жертвы? Откуда столько? Или это шутка? Но с убийствами не шутят. Да и Хромой Дьявол существо более чем серьезное.

– Четыре, – повторил Пыляев. – Вместе с Эллой. Короче, я рассказываю, вы запоминаете. Вопросы – потом.

Он вытащил потрепанный блокнот и приступил к повествованию, время от времени сверяясь с записями.

– Номер один – Василевская Анфиса Игоревна, семнадцати лет от роду. Официально значилась как начинающая актриса, по слухам, не брезговала проституцией. Хотя в тех кругах секс с нужным человеком ничем таким не считается.

В последний месяц перед убийством находилась на содержании некоего господина Неяхова, более известного как Васька Бронепоезд. Одиннадцатого января две тысячи шестого года найдена мертвой в собственной квартире. Причина смерти – удушение, кто-то очень крепко затянул на шее девочки модный галстук ее сожителя.

– Откуда такие подробности? – поинтересовался Гошик.

– От верблюда. Номер два – Синявская Ольга Николаевна. Художница, правда, не слишком известная. На хлеб зарабатывала оформлением книжных обложек, ну и реклама тоже. Двадцать два года. Девица самостоятельная, энергичная и весьма недоверчивая, о чем свидетельствует металлическая дверь и решетки на окнах. Правда, эти предосторожности ее не спасли. Второго февраля соседи, обеспокоенные неприятным запахом, вызвали милицию. Короче, нашу героиню отравили числа этак тридцатого. Января. В квартире тепло, тело начало разлагаться, отсюда запах, дело можно было бы списать на самоубийство, если бы не одна деталь. Но к ней вернемся чуть-чуть позже. Номер три. Красилина Инга Вадимовна. Двадцать три года. Фотомодель, опять же не самая популярная. Около двух недель назад убита выстрелом в голову на пороге собственной квартиры. Оружие найдено рядом с телом. Пистолет чистый, отпечатков нет. Ну и четвертая – наша Элла.

Мне не слишком понравилось выражение «наша Элла». Не наша. Не моя, точно. Их Элла. Гошикова. Но о мертвых

либо хорошо, либо ничего.

– Ничего не понимаю, – произнес Гошик. – Элли не душили, не травили. В нее не стреляли! С чего ты решил, будто...

– Будто убийства – дело рук одного человека? Детали, Гера, детали. Расскажи-ка еще раз, как ты ее нашел.

– Зачем?

– Надо.

– Мне трудно вспоминать...

– Придется. – Гошик возмущенно запыхтел, но Пыляев отступить не собирался. Ну а мне в этой ситуации остается сидеть да молчать в тряпочку.

– Пришел. Дверь открыта. А на полу в прихожей – она. Все.

– Гош, я понимаю, тебе тяжело и неприятно, но, пожалуйста, припомни детали. Мелочи. Как можно больше.

– Я не помню! Чего ты мне в душу лезешь, а?! Без тебя сегодня хватило любопытных! – От злости у Гошки побелел кончик носа, а на щеках проступили красные пятна – последняя стадия. Вот сейчас он как швырнет чашку о стену, пошлет Дамиана вместе с его деталями по одному известному адресу и домой поедет, хлопнув напоследок дверь. После подобных ссор – к счастью, случались они крайне редко – мне долго и нудно приходилось выпрашивать прощение, угождать, подлизываться, превращаться на неопределенный срок в идеальную супругу, которая готовит, стирает, убирает и не задает лишних вопросов. Но сегодня Георгий повел се-

бя иначе. Успокоился. Сам. Сел на стул и, сторбившись, точно на плечи его легла непомерная тяжесть небесного свода, вместе со всеми спутниками, станциями и звездами, начал вспоминать.

– Дверь была открыта, не совсем, а так, чуть-чуть.

– Когда ты уходил, Элла закрыла дверь?

– Не помню. Я хлопнул и ушел. Она кричала что-то вслед... Я, когда вернулся, еще больше разозлился. Думал, она тоже ушла куда-нибудь, а квартиру назло мне открытой оставила. Сам знаешь, я воров боюсь.

Истинная правда. Уходя из дому, Гошик закрывал квартиру на три замка, точно у него там сокровища российской короны хранились. Я иногда подшучивала над этой его привычкой, но Баюн каждый раз серьезно отвечал, что его отец, дед и прадед не для того добро наживали, чтобы вору поживились. Представляю, как он разозлился, увидев открытую дверь.

– Дальше. – Пыляев увлеченно рисовал в записной книжке, и создавалось впечатление, что Гошиковы излишества ему совершенно не интересны. – Тыходишь к двери. Открываешь. Первая мысль?

– Ограбили. Я Элли сначала не увидел.

– Почему?

– Темно было. Я еще выключателем щелкнул, а свет не загорался.

– Что ты сделал?

– Пошел в комнату. Там свет. Я споткнулся! Демка, я ж об нее споткнулся! Ты это понимаешь?! Упал, а там что-то мягкое и мокрое. Липкое. Решил, что ковер хотели вынести, но не смогли. А это не ковер. Это она была! Элла. Эля. Моя девочка... Я на нее упал и не понял...

– Спокойно, – скомандовал Пыляев, – Машка, там, в холодильнике, водка должна быть. Налей ему.

Я молча выполнила указание, бедный Гошик, он ведь не то что вида крови – запаха лекарств не переносит. Даже когда я в больнице лежала, он, хоть и навещал каждый день, стремился уехать побыстрее. И к Димке когда ездили, Гошка в машине меня дожидался, не мог себя заставить внутрь зайти. К чему мне больница вспомнилась? Тут же ничего общего.

Я достала водку, порезала хлеб, колбаску, огурчики. Достала стопки. Четыре. Нужно помянуть Лапочку, сейчас, когда душа еще здесь, на земле. Я слышала, будто душа три дня после смерти бродит среди живых, слушает разговоры. Чушь, конечно, но, с другой стороны...

Хромой Дьявол молча разлил водку по рюмкам. Так же молча мы выпили. Огненная вода обожгла горло и небольшой бомбой разорвалась в желудке. Только сейчас я вспомнила, что ела в последний раз очень, очень давно. А Гошка перестал дрожать, и Димка налил ему еще. Зачем? Гошке много нельзя, пьянеет он моментально, а на следующий день страдает: и голова болит, и желудок...

Стоп. О чем это я? Какая голова, какой желудок? Эллочку убили. Надеюсь, у Дамиана хватит такта не продолжать неприятный разговор.

Зря я так считала. После третьей рюмки он продолжил допрос.

– Ты упал. Что было дальше?

– Поднялся. Не сразу. Поскользнулся и упал еще раз. Ударился локтем. Больно. Синяк будет... – Захмелевший Гошик попытался закатать рукав, чтобы продемонстрировать травму, но узкие рукава свитера свели усилия на нет. Гошка вздохнул, взял бутылку и налил себе еще. – Я дверь открыл, входную. Там свет горел, тогда я и увидел, что это не ковер. Представляешь, я ж ее за ковер принял... – Похоже, эта мысль не давала ему покоя.

– Как она лежала?

– На спине. И ноги раскинуты. Как у шлюхи. Некрасиво. Эля у меня красивая... Правда, Машка?

– Красивая, – я поспешила согласиться.

– Я испугался и закричал. Дальше милиция приехала...

– Ты вызвал?

– Нет. Соседи, наверное. Я только кричал. А они меня забрали, сказали, будто это я Элю зарезал. Как я мог, Демка?! Вот скажи мне, разве я не любил мою девочку?!

– Любил.

– Я ведь для нее ничего не жалел! Все делал. Все-все! Даже... – Гошик посмотрел на меня, пьяненько подмигнул и,

приложив палец к губам, прошептал: – Ну ты знаешь. Только тс-с-с-с... Она не должна знать!

– А цветы ты ей дарил? – Хромой Дьявол отобрал у Георгия бутылку. Тот пытался оказать сопротивление, но Пыляев был трезвее и сильнее, поэтому с водкой Гошику пришлось расстаться.

– Кому?

– Элле.

– Дарил. Я для нее ничего не жалел. Ни цветов, ни...

Дамиан не позволил развить тему, и я была несказанно благодарна ему за это. Все-таки не слишком приятно слушать, как твой любимый человек рассказывает о другой.

– Какие цветы она любила?

– А то ты не знаешь! – удивился Гошка. – Розы. Красивые белые розы, и пахли чтобы. У нее хороший вкус. Она у меня вообще умница. Красавица и умница. А Машка дура. Толстая корова и дура!

– Перестань! – Спасибо тебе, Димка, за поддержку, но заткнуть пьяного Баюна не способна даже его мамочка, которую он, будучи трезвым, слушается беспрекословно.

– Дура, дура, дура! Скажи, почему эта дурища жива, а моя Эля, мое солнышко, мертвая. А?! – Истерика набирала обороты. – Я догадался! Я все понял! Это она! Она Элю убила! С...ка! Б...дь! – Гошка попытался встать.

– Сидеть! – рявкнул Пыляев. – Маша... Посиди пока в комнате, чтобы он тебя не видел, хорошо?

Конечно, хорошо. А что я еще могла? Меня и на сказать-то не хватило, так, головой мотнула и выскользнула с кухни. Обидно. Ей-богу, обидно. Умом понимаю, что на самом деле Георгий так не думает, что виновата водка и пережитое волнение, обвинения смехотворны, завтра ему будет стыдно, но больно мне уже сегодня. Сейчас. Горячий шар где-то в области сердца, словно внутри поселился маленький злой ежик. Он ворочается, растопыривает иглы, которые колют, царапают, того и гляди раздерут на клочки доверчивое сердце.

А здесь даже Степки не было. Он всегда меня утешал: подойдет, положит голову на колени и смотрит в глаза, точно спрашивает: «И долго ты, Пигалица, жалеть себя, любимую, будешь? Пойдем-ка лучше погуляем. Солнышко за окном. А кошки совсем обнаглели, погонять бы надо...» Мы шли гулять, и обида исчезала сама собой.

Я заткнула уши, чтобы не слышать невнятного бормотания за стеной. Не сегодня. Сейчас мне неприятен даже звук его голоса. Стоило бы бросить все и вызвать такси, но... Но я сидела, я всегда была очень послушным ребенком.

Раскатистый храп проник даже сквозь ладони, значит, Баян отрубился. Нормальное явление, я же говорила – пить он не умеет, зато умеет языком чесать и отрубаться прямо за столом.

– Маш, ты здесь? – Ну, этот-то хоть трезвый.

– А где мне еще быть?! – огрызнулась я.

– Машуня, ты не обижайся на него, ладно? – Пыляев присел рядом и обнял меня. – Он же пьяный. И пережил за сегодняшний день столько, что и врагу не пожелаешь. Не сердись. Хочешь, на меня обижайся, я ведь его напоил. Виноват.

Я кивала в такт словам, а сердитый ежик гневно зафыркал, он не собирался поддаваться на уговоры. Интересно, как это я раньше не замечала, что всякий раз, когда Гошик делал гадость, извинялся за него Дамиан. И моя злость выплескивалась на него, а не на любимого супруга.

– Опять ты за него?

– Он мой друг.

– Это так важно? – Я никогда не могла понять, что связывает этих двух мужчин. Гошик открытый, доверчивый, обидчивый, точно дитя, а Хромой Дьявол жесткий и холодный. Мой бывший существо болезненное, малейшее дуновение ветерка укладывает его в постель, а Дамиан и шторм выдержит, не поморщившись. Баюн способен неделями страдать из-за пустяка, вроде хамоватой продавщицы из соседнего супермаркета, а язвительный Пыляев в выборе слов не стеснялся. Хотя, надо сказать, Гошку он щадил. Но все равно слишком уж они разные.

– Очень. Иначе... – Он тяжело вздохнул и замолчал.

– Что иначе?

– Ничего, Пигалица, совершенно ничего.

– Нет, ты собирался сказать... Что за тайны мадридского двора?

Хромой Дьявол отстранился, а мне вдруг стало стыдно. Сижу, обнимаюсь тут с посторонним мужчиной. Ладно бы совсем посторонний был, а то... Если Гошка проснется, он этого не переживет. Димка правильно все понял и пересел в кресло.

– Я, пожалуй, домой...

– Успеешь, – отмахнулся Пыляев. – Мы еще не закончили. Ты, Пигалица, можешь думать, как тебе заблагорассудится, но мне нужно было его расспросить, понимаешь? И не смотри ты так на меня. Я не садист и не извращенец, которому нравится друга мучить. Все четыре убийства связаны со «Скалли».

– Что? – А вот в это я наотрез отказываюсь верить. Наша фирма по определению не может быть замешана в подобном кошмаре!

– То, – передразнил Дамиан. – Давай, вспоминай, ты же у нас умница! Василевская Анфиса. Такая агрессивная блондинка а-ля Марлен Дитрих. Она еще сигареты с мундштуком курила...

– И родинка над губой? Девочка ее то запудривала, то, наоборот, дорисовывала?

– Точно.

Я вспомнила. Ну как я вообще могла забыть Анфиску! Искусственно-хриплый голос, выработанный для полноты образа немецкий акцент, силиконовые губы. Она считала себя звездой, хотя не тянула даже на звездочку. Мы что-то ре-

кламировали, не помню уже, что именно, и возникла идея использовать образ Марлен. Так мы с Анфиской познакомились, а после закрытия проекта расстались с легкой душой. Уж больно скандальная оказалась.

– Дальше. Оленька Синявская. Брюнетка. Маскировалась не то под японку, не то под китаянку.

– Можешь не напоминать. – Эту я вспомнила и без подсказки. Оленька. Ла́ла. Конечно, Лала более подходящее имя для художницы, чем какая-то Ольга. Мы иногда сотрудничали, художником она была замечательным, с лету улавливала, что от нее хотят. Значит, нет больше Олечки, с ее вызывающе красными кимоно, увлеченностью загадочным китайским учением фэн-шуй и премерзкой малюсенькой шавкой, которую она повсюду таскала за собой.

– Ингу я тоже помню. Мы ее часто фотографировали.

Бамбр. Точно, о смерти Инги мне сказал Бамбр в тот день, когда я опоздала на работу, а мое место занял Херувим. Я была слишком занята собственными проблемами, чтобы обращать внимание на смерть какой-то Инги, тогда я даже не вспомнила, кто это такая.

Рыженькая. У нее были чудесные рыжие кудряшки и веснушки на носу, не уродливые оранжевые пятна, а симпатичные «поцелуйчики солнца». Ингу и клиенты любили, и фотографы – умная и без претензий, как говорят, так и делает.

– Теперь понимаешь?

– Совпадение.

– Опасное совпадение.

– Глупое. Не одни же мы с ними работали! «Спектрум», «Дизайн-Студия», «Аврора»...

– «Муза», «Селентия», «Новый век», – продолжил Пыляев. – Короче, все наши конкуренты. Или почти все. Согласен, девочки могли работать в каждой из этих фирм и, скорее всего, работали. Но не все в одном месте.

Я готова была согласиться с ним до некоторой степени. Да, отыскать еще одну фирму, в которой пересеклись бы все четыре дамы, почти нереально. Хорошо, если девушки работали официально, то есть с контрактом и отметкой в бухгалтерии о получении денег, но, как подсказывал мой опыт, большинство «левых» сотрудников нигде не значились. Но Элла-то у конкурентов не подрабатывала... Хотя с чего Димка вообще решил, что их убил один и тот же человек?

– Все дело в цветах, – пояснил он. – Все четыре жертвы получали цветы. Кто за неделю до убийства, кто за месяц. Каждый раз букеты приходили из разных магазинов, благо этого добра сейчас навалом.

– Бред.

– Хотелось бы... Не я, Мышь, такой умный. Менты у нас... Умные. Они все эти четыре дела в одно связали и «Скалли» в центр поставили. Значит, ни тебе, ни мне, ни Гере жизни не будет, пока этого психа не повяжут.

– Хорошо, что там с цветами? – Неожиданно я поймала себя на мысли, что засыпаю. Глаза сами закрываются, еще

чуть-чуть – и отрублюсь прямо здесь, на диване. Вот Пыляев говорит, а я думаю о том, как бы поудобнее устроиться. Ножки вытянуть, пледиком накрыться... Какие цветы...

– Маш, ты меня слышишь?

– Слышу.

– Черта с два ты слышишь, – пробормотал Дамиан. – Кровать там...

– Я домой!

– Не доедешь же.

– Доеду! – Ни за что, никогда, ни при каких обстоятельствах я не буду ночевать у него.

– Как скажешь, – неожиданно согласился он, – я провожу.

Не спорь, хоть сегодня не спорь.

Пускай провожает, мне уже все равно, только бы до кровати добраться. Странно как-то, было время, когда я по три-четыре часа спала, и ничего, работала, улыбалась, счастлива была, как кролик, получивший в наследство грузовик с морковкой. А тут всего-то часа два недоспала – и с ног валюсь. Даже стыдно, хотя чего мне стыдиться, устала, со всеми бывает.

А Хромой Дьявол действительно проводил меня до самой двери. Какой-то он сегодня пришибленный, за Гошика, видать, переживает.

Заснула я моментально.

И снова горы. Ночью здесь красиво, почти так же краси-

во, как в пустыне. Иссиня-черное небо с желтой луной, звезды крупные и так близко, что, кажется, подними руку – и непременно дотянешься. Индус звезды уважал.

Вон та, яркая, белым светом озаренная, подобная аддамасу, называется Дретореастре – звезда лучезарного юга.

Темное, почти неразличимое пятно на западе – Вируба, жемчужина запада.

Царица востока – розовая Пакишти.

И желтый бриллиант севера – Уайсревона.

— Там, – любил повторять Танг, – веселятся праведники со всех четырех сторон света. Те, кто жил, соблюдая заповеди Тримурти, и не делал никому зла...

Али не спорил, в звезды он не верил, так же как и в праведников, зато верил в удачу. И, как оказалось, не зря, нужно лишь разобратся с туземцем, и он свободен...

– Это не простой камень, – Танг взглядывался в пламя. Воняло дымом и мокрой овечьей шерстью, но Али больше не раздражали запахи. Скоро, совсем скоро он покинет эти чертовы горы, и будет пустыня, горячий воздух, песок, летящий в лицо, добрый конь под седлом и грозный клич Льва, вселяющий ужас в сердца караваничников... Ради светлого будущего Али готов был слушать рассказы напарника всю ночь напролет. Сегодня можно проявить милосердие, пускай заснет спокойно, все-таки два года вместе...

– Имя его – Кали. Сей ратнарадж был добыт грозным властителем славного города Лахора. Когда молодой Суб-

румэни решил, что настала пора продолжить славный род и подарить народу наследника, он разослал гонцов во все уголки благословенной Индии, чтобы выбрали они ту, которая достойна назваться невестой раджи... – Танг замолчал, подыскивая слова. – Сотни и тысячи девушек из хороших семей, прекрасных и нежных, готовы были отдать свое сердце Субрумэни, но взгляд раджи остановился лишь на одной. Редкостная жемчужина, истинное сокровище Кашимира, звезды и те тускнели рядом с нею, а ревнивая луна худела от зависти, глядя с небес на принцессу Серасвати. Разве мог смертный устоять перед подобной красотой?

Али зевнул. Нет, бесспорно, пастух – неплохой рассказчик, но пускай женищины слушают сказки о неземной любви, мужчинам же следует говорить о подвигах, войнах и поверженных врагах. О том, как сладко поет сталь, звенит воздух, пронзенный тысячами стрел, и кровь алым дождем льется на измученный вечной жаждой песок. Вот деяния, достойные истинного воина. А любовь... Кто ее видел?

– Раджа Кашимира, вероломный старик, имя которого да будет проклято в веках, сделал вид, будто согласен отдать дочь в жены Субрумэни, но разве простые радости доступны черному сердцу? И, едва первый луч солнца пронзил ночную тьму, приказал раджа Кашимира схватить гостей, дабы принести их в жертву Кали, свирепейшей из богинь. Кровью чужой жаждал он откупиться от вестницы смерти, жизнью чужой продлить собственное существование.

Но прекрасная Серавати, чья душа столь же чиста, как первый цветок лотоса, как воды священного Ганга, как аромат жасмина, как...

—Я понял, — прервал рассказ Али.

—Принцесса, сердце которой разрывалось от горя, ибо знала она о коварном плане своего отца, предупредила суженного. Гнев и боль разожгли огонь в крови Субрумэни, кликнул он своих воинов и нанес удар, упреждая предательство...

—Молодец.

—Китариа Субрумэни сражались, не щадя жизни своей. И, трусливым шакалам подобны, бежали кашмирицы из города... А коварного старика молодой раджа приказал принести в жертву Кали: негоже оскорблять богиню, ждущую обещанного. И было ему видение. Явилась Кали-свирепая, Кали-воительница, Кали-тысячерукая. Собственными очами увидел Субрумэни адский огонь, горящий в глазах ее, и губы, вымазанные человеческой кровью, благодарили за жертву. Покровительство обещала богиня и в знак того подарила дерзкому воину свой глаз, обернувшийся в руках человека камнем невиданной красоты. Победителем вернулся в родной город раджа. Две драгоценности добыл он в бою — жену, прекраснейшую из смертных женщин, и Глаз Кали, прекраснейший из камней...

— Вот оно как. — Глухая история, бабские сказки. Принцесса, богиня, глаз... Чушь. Камень, обыкновенный камень. Хотя нет, не обыкновенный. Живое пламя, по странной

прихоти Аллаха застывшее навек, или сердце. Да, именно, никакой это не глаз, это сердце героя, храбреца, в одиночку одолевшего тысячи врагов, и за подвиг Аллах подарил яростному сердцу вечную жизнь в камне.

—Мы должны вернуть камень в храм.

—Какой еще храм? – возмутился разбойник.

—Недалеко отсюда есть храм Кали.

—Еще чего. Мы нашли его. Нашли, понимаешь? Не украли. И теперь отдавать.

—Богиня требует. Ее гнев падет на тебя. На нас обоих. Девушка умерла.

– И что? Подумаешь, упала. Бывает, если человек не знаком с горами. Мы ж ее похоронили, как ты хотел. – Вообще-то индус настаивал, чтобы тело сожгли, согласно обычаю, но откуда в горах столько дров. Да и возиться не хотелось, поэтому Али предложил завалить тело камнями и работал, надо сказать, как проклятый. Танг же, вместо того чтобы помочь, бормотал молитвы. Эх, сразу следовало бы убрать пастуха, но нет, пожалел. Как-никак два года вместе, и вот что получилось – проклятый туземец желает отобрать сокровище, по праву принадлежащее Али.

Рубин избрал его.

Рубин манил его.

Рубин обещал богатство и славу.

Славу и богатство.

Нужно лишь устранить досадную помеху в лице Танг-

Карна. Али и сам не понял, как нож, старый нож с ручкой из зуба морского змея и широким лезвием, оказался у него в руке. Просто индус вдруг согнулся пополам, захрипел и упал на землю.

Пигалица

– Ну и что ты на это скажешь? – Степка лишь зевнул. Господи, ну что у меня за жизнь, даже поговорить не с кем, одна собака, и та не отвечает. И ведь не скажешь, что у меня характер нелюдимый. Наоборот, существо я общительное, порою даже слишком, и подруг у меня хватало. Раньше. До замужества. А потом они исчезли, как-то само собой получилось. Гошик требовал внимания, Гошик требовал заботы, Гошик требовал, чтобы я была дома, а не «шлялась неизвестно где». Я любила Гошика, а мои подруги нет. Они его критиковали, не ценили, плохо отзывались и восхищались Хромым Дьяволом.

Вот и рассказываю ночной кошмар собаке. Степка же, вместо того чтобы утешить хозяйку, вертит обрубок хвоста, подлизывается, конфетку выпрашивает.

Не положено.

В дверь позвонили. Ну, и кто тут у нас с утра пораньше? Степан, вспомнив, что он – пес сторожевой, солидный, гавкнул. Значит, чужие.

– Кто там?

– Вам посылка! – ответил бодрый мальчишеский голос.

– Какая?

– Цветы.

Цветы? Кажется, Пыляев вчера что-то про цветы говорил.

Хоть убей, не помню. Может, от него? Нет, ерунда. Ладно, сейчас узнаю. Дверь я открыла, и молодой, лет пятнадцать от силы, парнишка в зеленой с белым форме торжественно вручил мне букет из... васильков. Я серьезно. Трогательные-хрупкие цветы в кулке из хрустящего целлофана, настоящее чудо.

– От кого это?

Посыльный пожал плечами.

– Красивые.

– Да, – парень оживился, – редкий заказ. Обычно розы шлют или орхидеи на крайняк. А тут васильки. Специально для вас заказывали.

Спросить, сколько же было уплачено за эту красоту, я не решилась.

– Значит, от кого – не знаете?

– Нет. Там, внутри, обычно карточка есть. Посмотрите, – посоветовал посыльный и ускакал.

Карточки я не нашла, зато обнаружила записку. «Твои глаза — как васильки, осколки неба, счастья обещаье». Красиво.

И чертовски приятно.

А глаза у меня и в самом деле голубые.

Приятно вдвойне.

Степка, понюхав цветы, презрительно фыркнул, и крошечные васильки обиженно поникли. Срочно пришлось искать какой-нибудь сосуд, вазы в моем доме отродясь не бы-

ло, зачем ваза, если никто цветов не дарит.

На работу я прилетела как на крыльях, и даже недовольная физиономия Херувима, который не упустил момент, чтобы высказаться относительно привилегированного положения некоторых сотрудников, не испортила настроения. Пускай хмурится, пускай ворчит, пускай думает, что этот день ничем от других не отличается, но я-то знаю: сегодня – день особенный. Дома в литровой банке с водой меня ждут голубые васильки, специально для меня привезенные с края земли. Мне нравилось так думать, про край земли, самолет и про то, что кто-то заказал эти цветы для меня.

– Доброе утро! – Я поздоровалась с Пыляевым. Тот улыбнулся в ответ, смешно смотреть, как Хромой Дьявол улыбается, точно по гранитной скале трещины идут.

– Привет. Как спалось?

– Нормально. Ну, почти нормально. Как ты думаешь, сны – это что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.